

СЕЛИМ ЯЛКУТ

СКВЕРНОЕ ДЕЛО

Селим Ялгут
Скверное дело

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ялкупт С. И.

Скверное дело / С. И. Ялкупт — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-16-4

Остросюжетный роман Селима Ялкупта «Скверное дело» – актуальный детектив в реалиях современной российской действительности и в тесной взаимосвязи с историческим прошлым – падением Византийской империи. Внимание к деталям, иронический язык повествования, тщательно прописана любовная интрига.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907189-16-4

© Ялкупт С. И., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	46
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Селим Ялкуп Скверное дело

Форма цветка или узор лихайдника могут быть многозначительными символами, а могут и не быть ими. Но нет такого булыжника на улице, нет такого кирпича в стене, который не являлся бы в самом деле символом, исполненным смысла – посланием от какого-то человека, таким же, как телеграмма или почтовая открытка.

Гилберт Кит Честертон

Детективный роман про убийство должен оставаться, в уютных, «домашних» рамках, должен отражать повседневные переживания читателя и в известном смысле давать выход его собственным подавленным желаниям и эмоциям.

Стивен Ван Дайн

*Проплывает образ, лик или тень —
Больше тень, чем образ, и лик, чем тень,
С мумии, как с веретена,
В петли троп развивается пелена,
Рот, иссохший и бездыханный,
Бездыханные созывает рты.*

У.Б. Йейтс.

«Византия» Перевод М.Гаспарова

Глава 1

В кабинете генерала Шемякина все было расставлено по чину и должности. Длинный стол светлого дерева, за которым рассаживалось более десятка человек, небольшой столик в углу для бесед тет-а-тет, когда генералу требовалось взглянуть собеседнику прямо в глаза, стеклянный плоский шкаф с книгами и бюстиком, а чей – за дальностью расстояния было не разглядеть. Допустим, Пушкина или Маяковского. А почему бы и нет? Еще был портрет Дзержинского в высокой фуражке, который уцелел во время вселенских перемен и своим присутствием утверждал, как душили преступный элемент, так и будем душить. Можно остановиться на портрете президента страны и флаге государства, но это совершенно обязательная подробность, по которой сверяешь историческое время чисто машинально. Часы тоже были, огромные и звучные напольные куранты. А за окнами напоминали о себе церковные колокола. Звона у нынешнего времени было много. На этом можно остановиться и перейти к описанию событий, имеющих прямое отношение к делу.

Оно так и называлось *Дело* и лежало на столе перед генералом. Сбоку от него в начале Т-образного стола сидел второй участник беседы. Генерал, чтобы долго не описывать, был такой,

как показывают в кино – представительный и седой, только грубее и мясистее, для рассматривания не в фас и не в профиль, а между, чтобы отдельные черты лица, не перекрывали друг друга и создавали не индивидуальный портрет, а образ человека, который не станет понапрасну лезть в экран, маячить и светиться.

Другим участником разговора был сравнительно молодой человек, лет сорока, что подразумевает не только молодость, но и опыт. Разговор явно шел по долгу службы, и выправка говорила, что человек этот – военный или, точнее, служивый.

– Ты, Сережа, – говорил генерал, – этим вплотную займись. А то, я смотрю, у тебя не шибко.

– Только получил, товарищ... генерал.

– Товарищ, товарищ... рано из меня господина делать. Ерунда какая-то. Чего его убивать. Разобрался, кто такой?

– Кульбитин Павел Николаевич. Главный специалист. Живет на зарплату.

– Вот именно. На зарплату. Чего трогать. Так бы и жил. Докладывай, что у тебя.

– Нашли за две улицы от музея. Там сквер и стройка рядом, народ сейчас бывает редко. Конец сентября, в девять часов темно. Собаку прогуливали, она и учуяла. Травма черепа. А может, он сам ударился, когда падал. Там кирпича хватает.

– С работы шел?

– Да. Охранник выпускал. Он за ключ расписался. Где-то часа за полтора до того, как нашли.

– Что он на работе так поздно? Один?

– Тут неясно. У них для сотрудников отдельный вход есть. Как правило, он закрыт, но свои пользуются. Сам мог впустить и выпустить. Замок хороший, не поврежден.

– А что он там делал так поздно?

– Пьянки не было. Народа много толчется, и свои, и посетители заходят в рабочее время. Следов полно. – Балабуев (так звали подчиненного) пытался изложить суть дела. – Пепельничку перед уходом вымыл.

– Что за народ такой. Фильмы американские смотрят. Учат их, учат. Убил, так обмакни пальчик и напиши кровью. На зеркале, на стене. Прошу считать меня психопатом и хочу быть пойманным.

– Этому на заборе нужно было писать. Стройка рядом.

– Они и пишут. Только не в тему. Вот я и говорю. Идут к психиатру, находят, ага, известный маньяк. Еще не поймали, а уже явка с повинной. Нам бы так. А этот даже пепельницу вымыл. Чистюля. Ладно. Бери свое *Дело*. Как думаешь, Балабуев, нюх у меня есть.

– Так точно, товарищ генерал. – Балабуев даже привстал.

– Сиди. Откуда, спрашивается, базар? Дали человеку по голове. На то она и преступность. По горячим следам задержать не удалось. То же бывает. Чего шум? Звонят по поводу этого Кульбитина. Интересуются. Чувствую, придется всерьез этим заниматься.

– Кто звонил? – Балабуев раскрыл блокнот.

– Выше некуда. Ты вот что. Есть такой Закс Семен Иосифович. Можешь с ним этот вопрос неофициально обсудить. Наш человек. И не дури. Я твою манеру знаю.

– Товарищ генерал... – Балабуев развел руками.

– Знаю, знаю... Я сам фантазию люблю. Иногда и дурачком прикинуться не мешает. Профессия такая. А дров наломать, это каждый может. Ума не надо. Ну, иди, трудись. И выбери кого-нибудь из ребят пошустрей в помощь. Есть на примете?

– Шварц. Мы с ним неразлучные.

– Ну вот, Шварца и возьми. – И уже в дверях генерал остановил подчиненного. – Ты как, менять профессию не надумал, если честно?

– Никак нет.

– Знаю, мысли такие есть. Не могут не быть. Платят мало, по службе не продвигают. Вот тебе, Балабуев, и перспектива. Родина не забудет... Я прослежу...

Глава 2

Вообще-то Балабуев Сергей Сидорович сорока одного года впрямь надумал уходить. Некоторые из его коллег так и поступили и счастливо работают на те самые учреждения, по которым Уголовный кодекс рыдает крупными слезами. – Что делать, – разводили коллеги руками. – Ты погляди, что делается. Если мирно, по хорошему, так и к тебе хорошо, а начнешь пружинить, правду искать, уберут. Раз предупредят, а второй не станут, не те пошли времена.

Крупное дело о хищениях было прекращено по вине самого Балабуева. Так ему объяснили. Не имел он права... дальше шел длинный список превышений полномочий, которые Балабуев допустил, изобличая преступников. Заинтересованные лица оказались на свободе, а приятель просветил: – Могли и убить, если бы до суда дошло.

– Наших не убивают. – Ответил тогда Балабуев.

– Ну, да. Ты, я слышал, наркотиками балуешься.

– Я? – удивился Балабуев.

– А кто же. И с девочками полегче. А то знаешь, что с насильниками бывает...

Напрашивались разумные выводы. Есть люди, что могут сменить несколько шкур и каждая будет в пору, как своя собственная. Таких превращений в наше время пруд пруди. Но Балабуев был в единственной шкуре (как герой Шота Руставели) – опера-дознателя, причем самых незаурядных способностей. В своей профессии это был король. По виду – бестолковый простофиля, Балабуев мог усилить это впечатление сознательно во много раз. И вызывал самые двойственные чувства, у преступника – облегчение, вот послал бог ему на радость дурака-следователя, а у честных людей (интеллигентов особенно) гражданскую печаль, до чего докатились, если уж таких... прости, Господи... берут на службу. Балабуев никого не разочаровывал. До поры, до времени.

Вот с этим человеком встретился Алексей Григорьевич Плахов, с судьбой которого связана большая часть этого рассказа. Раньше к описанию такой личности добавляли слово *герой*, а для окончательной характеристики подсказывали читателю, что за герой – положительный или отрицательный. Но в реальной жизни геройство случается редко, и герои из обычных людей, как правило, никакие. Другое дело – жертвы обстоятельств или судьбы. Громко сказано, но для Плахова, однако, годилось, тем более, по профессии он был историк, мог понять интерес к отдельно взятой личности. И Балабуев интересовался судьбами, правда, по другим причинам. Встретились они не зря.

– Видите, Алексей Григорьевич. – Рассуждал Балабуев. – Кульбитин ваш непосредственный подчиненный. Вы по должности кто?

– Директор музея. Исполняющий обязанности.

– А что так? Исполняющий?... И давно?...

– Несколько лет. Спросите насчет *исполняющего*? Откуда я знаю? Никак подходящую кандидатуру не найдут.

– А Кульбитин... чем не кандидатура?

Плахов пожал плечами. – Знаю, что предлагали ему. Но отказался.хлопот с этим директорством... можете поверить...

– И то, правда. – Согласился Балабуев. – Вот видите. Вы – исполняющий, Он – главный специалист. Не простой, а главный. Выше никого. Или есть?

– Нет, нас двое. Еще две женщины, молодняк. Только начинают. Еще охрана. Один постоянный, другие от милиции... знаете, место музейное по нашим временам невыгодное.

– Насчет охраны могу поспособствовать. А от женщин я бы так просто не отмахивался. Они, знаете ли... источник вдохновения. И по нашей части тоже. Но сейчас упростим. Значит,

вас двое. И убили. Одного из двух. Можно сказать, пятьдесят процентов потерь. В наступлении и то меньше. А тут на месте стояли.

– Позвольте. – Растерялся Плахов.

– Конечно, позволю. Для того мы и собрались. Вы не стесняйтесь. Может, пиджак хотите снять. Не хотите? Или форточку закрыть?

– Извините, какие пятьдесят процентов?

– Простая арифметика. Одного убили, а другой жив. Или будете отрицать?

– Что отрицать?

– Факты, Алексей Григорьевич, факты. Во вверенном вам отделе, практически на рабочем месте... ну, хорошо, недалеко от рабочего места, если вы так хотите, убит главный специалист. Главный. А его руководитель утверждает, что это досадное недоразумение...

– Ничего я не утверждаю. – Гневно протестовал Плахов.

– И правильно делаете. Теперь ваша задача, проявить инициативу. Ночью не спать. Чтобы земля под ногами горела.

– Да я разве... Конечно, вот только... Чем могу...

– Еще как можете. – Подхватил Балабуев. – Я вам скажу честно, на вас вся надежда. Не спорьте. Именно вся. Преступника по горячим следам задержать не удалось. Но где-то он близко разгуливает и за нами наблюдает. А ведь это ваша вина...

– Моя? – Поразился Плахов.

– Именно. А как вы думали? Случись такое на производстве, кирпич упадет, целая комиссия выезжает. Кто виноват? А тут убийство. Буквально, на рабочем месте. С невыясненной целью...

– Это как на рабочем? На улице его нашли.

– Недалеко от музея. И засиделся он в тот день на работе поздно.

– Вот так они свои дела и лепят. – Возмущался про себя Плахов, а вслух спросил. – Может, вы меня подозреваете. Так и скажите.

– А как вы думаете, Алексей Григорьевич? У меня должность такая. Лишних работников у нас нет. Я для вас и добрый следователь, и злой – в одном лице. Как договоримся, так и будет.

– С кем договоримся?

– С вами. Я ведь сразу могу спросить, где вы были, что делали? Но не спрашиваю. Потому что вы на мой вопрос ответ приготовили. Был там-то и там-то. Любимая женщина может подтвердить...

– Представьте, я был дома. Один.

– Вот видите, так я и думал. Значит, нет у вас алиби. Я вам подскажу, сейчас такое время, алиби нужно иметь. Паспорт и алиби. Паспорт для того, где ты есть, чтобы предъявить, а алиби, где тебя нет. Мало ли что. Тут сидел один, это, говорит, раздвоение личности. И пусть раздвоение, может, еще и мало будет. Как труп распилить и в *Комсомольскую правду* завернуть – все мастера, учить не надо, а личность – извините? Деликатнейшая материя.

А вы говорите – раздвоение. То есть, не вы, но слова соответствуют моменту. Адвоката, кстати, не хотите пригласить? Имеете право. Чтобы не допустить произвола со стороны злого следователя.

– Не нужен мне никакой адвокат.

– Значит, не нужен. Так и записать, отказывается от адвоката?

– Что за чепуха. – Возмутился Плахов. – Спрашивайте, что хотите.

– А теперь я вам скажу, как добрый следователь. – Балабуев и впрямь смягчился. – Правильно вы отказались. С этими адвокатами большие расходы. Пустят по миру, сами на казенные харчи запроситесь. У самого дыра на пятке, а ходит таким гоголем, куда нам. Теперь и прокурору платить нужно, еще неизвестно, кто больше возьмет. А судьи кто? У нас теперь прекрасный пол судит по преимуществу. Вы с Рафаэлем знакомы? Не лично, конечно. Так это

не наш вариант. Эти жаднющие. Снесут курочке яичко, не простое, а Фаберже. Тогда, конечно, а иначе закроют. У меня, знаете, случай был. Потом расскажу. Курите? У нас можно курить. Я потому и форточку открытой держу.

– Не курю.

– Правильно. А то накурится, надымит, а потом пепельницу за собой отмывает. Да, вы, наверно, встречали. Встречали ведь? Кульбитинпокойник наш курил? Наверно, прибирал за собой.

– Позвольте. – Сопротивлялся Плахов. – Если есть ко мне вопросы...

– Много вопросов, скорого расставания не обещаю. Печально. На нас убийство висит. Спешу напомнить, убийство вашего подчиненного. Свидетелей нет. А подозреваемых, сами понимаете. Вы, как, дружили? Не очень? Но общие знакомые, наверно, были. Списочек, может, составите? Не хотите? Видите, какой интеллигент. Не без ложной скромности. Ну, ладно, пока не настаиваю. Но разбираться придется. Долго придется беседовать. Еще друг без друга скучать станем. Где, спросите, Балабуев? А я другим делом занят. Вот вы и обидитесь. Это я вам, как добрый следователь, говорю. А то ведь могу задержать, обыск сделать.

– Обыск? – Возмутился Плахов.

– Положено. С кого начинать, как не с вас? Общались постоянно. Причины могли быть, а алиби нет. Я вам скажу – Балабуев смотрел пристально, и Плахов понял, не прост его собеседник, очень не прост. – Другой бы у вас дома давно сидел вместе с понатыми. Только не я. Думаете, я вам верю? У меня такой ромашки нет, гадать, верю – не верю. Я, может быть, всем сердцем тянусь, а не выходит. Так что помочь вы мне должны.

– Никакого отношения к этому делу не имею.

– А я вас об этом, заметьте, не спрашиваю. Иначе вы бы давно явку с повинной написали, как честный человек. Зато потом на свободу с чистой совестью. Это, знаете ли... Вы бы видели, какие письма на волю шлют. Слезой бумагу прожигают. С фотографиями. К парикмахеру ходить не нужно.

– Это вы мне? – Голова Плахова шла кругом.

– А кому же? И сам на откровенность рассчитываю. Поверьте, я могу различить: с вами это убийство связано. Вы ведь не отрицаете?...

– Отрицаю. – Встряхнулся Плахов.

– Погодите, что это вы сразу... отрицаю... Я о чем прошу, давайте помогать друг другу. И времени на это не нужно жалеть. Договорились? Что вы молчите? Скажите: согласен, если нет возражений.

– Согласен.

– Вот и хорошо. Расскажите, чем вы там занимаетесь. Раньше как было, пришел на работу, снял номерок, вот тебе и алиби. Кроме обеденного перерыва, конечно. У меня, знаете, был случай...

Балабуев готов был увлечься воспоминаниями, но Плахов уже взял себя в руки.

– Сегодня пятница. Убили его во вторник. А всю прошлую неделю у нас была конференция.

– Кульбитин участвовал?

– Даже доклад делал, мы с ним, можно сказать, главные. Входим в оргкомитет.

– Ого, как. Что за конференция?

– Если вкратце, по Византии.

– Здесь вкратце не нужно. Вы мне потом подробно расскажете. Что и как, чем занимаетесь. Я историей интересуюсь. Контурные карты в школе раскрашивал. А пока для первого знакомства...

– С делегатами общался. – Вспоминал Плахов. – Иностранцы приезжают. У нас совместные работы. Город им показывал. Музейное помещение, можно сказать, никакое. Поэтому

в гуманитарном корпусе университета проводили. Участников и простой публики несколько сотен. Но в тот день я в музей заходил. И Павла Николаевича видел.

– И как он?

– Тоже на одном месте не сидит. Ничего особенного я не заметил.

– Может, в разговоре?

– Говорили мы долго. О музейных делах. Знаете, после таких конференций всегда появляется желание что-то менять.

– А люди с этой конференции у вас были?

– Конечно, они и раньше у нас бывали. Прием для них организовали.

– И по одному бывают?

– По всякому. Мы ведь зависим друг от друга. Финансирование. Гранты международные.

– Обеднело отечество. – Вздохнул Балабуев.

Тут разговор прервал телефонный звонок. Балабуев выслушал, сказал: вот как хорошо. Давай сюда. Подбежал к двери, высунул голову, переговорил, и вернулся с завернутым в целлофан предметом. Выставил на стол перед Плаховым: – Узнаете? Если сомневаетесь, придумывать не нужно.

– Узнаю, пожалуй... Портфель Павла Николаевича.

– Видите, какое дело. Пустым нашли. С места происхождения увели, осмотрели, забрали, что нужно, а портфельчик выбросили. Его портфель или нет? Подтверждаете?

– Его. – Твердо отвечал Плахов и, осознав важность момента, добавил. – Павла Николаевича Кульбитина.

Балабуев остался доволен. – Видите, вот вы и разговорились. А то ведь как. Раз вызывают, значит, нужно характер проявить. Ничего не знаю, сами ищите. А на будущее я вам скажу. Каждому порядочному человеку алиби обязательно нужно. Преступник сам о себе позаботится. А честным людям как? Вот вы говорите, раздвоение личности.

– Я не говорю.

– Перестаньте. – Балабуев даже рукой отмахнулся. – Только и слышишь. Не знаю, не видел. Мы ведь в Европу хотим. А там как. Гражданин ночь не поспит, но сигнализирует, босиком на холодном полу встанет, мазью натрется от радикулита и стоит. Думаете легко? Но высмотрит, поможет органам правопорядка. У нас один вернулся. За чем, спрашивает, очередь? За правами человека. Самолично наблюдал.

– Может, перепутал?

– Так оно и есть. Отпечатки пальцев с утра бегут снимать. Вы ведь не сдавали?

– Не сдавал. – Признался Плахов.

– Вот видите. Зато свобода. Одни мы и турки остались. Гордый народ. Следствию помогать не хотим.

– Я не отказываюсь.

Потому расскажите подробно, чем вы у себя занимаетесь. Хотя нет. Погодите. – И Балабуев выложил перед Плаховым пачку фотографий. – Давайте с них начнем.

Глава 3

Леня Шварц был оперативник, который работал вместе с Балабуевым, он и нашел портфель. Леня был человек действия. Подъехал в отделение, попросил в помощь двух сотрудников, оглядели все вокруг, опросили дворников. И нашли. Ясно, не мог преступник далеко унести. Отошел чуть подальше, выгреб нужное, а портфель выбросил. И правильно сделал, исходя из своего преступного опыта.

Все мы умные, когда результат известен. Но нашел Леня, а никто другой. За Ленею числились и другие достоинства. Возраст подходящий, тридцать лет. Кудрявый, веселый. Разговор затевал буквально ни с чего и мог рассмешить любую (любую – вряд ли, но многих – безусловно). Никак не демон по женской части, а преданный работе человек. Романтик своего дела. Женщин веселил по служебной надобности, но от души. И они это ценили.

Оружием Леня не пользовался. Как-то спросили, чего он боится больше всего: пожара, боевого ранения (в голову, например), измены любимой женщины или... мало не бывает, когда начинаешь перечислять возможные несчастья. Леня отвечал совершенно искренне. Потерять служебное оружие. С любимой женщиной еще можно как-то уладить (а нет – так и того лучше), если в голову попадет – работа такая (хоть без головы не всякий согласится), но потерять пистолет... В общем Леня никогда оружия при себе не держал. Но и безоружным не ходил. Кто больше всего полезен в нашей работе? – Спрашивал Леня. – И сам себе отвечал. – Женщины. Конечно они. Все знают, все видят, и все сами расскажут, нужно только уметь задать вопрос... А как? – спрашивал Леню какой-нибудь недотепа. – Как? Женщины, что любят? – Отвечал Леня вопросом на вопрос и, не рассчитывая на сообразительность собеседника, прояснял. – Сладкое они любят. Вот и весь секрет... Потому Леня непременно носил в сумочке, болтавшейся на руке и называвшейся почему-то *пидорасточкой*, плитку шоколада (иногда и в кобуру под пиджак помещал). – Очень помогает. – Говорил Леня. – Развязывает языки. Конечно, про глаза нужно не забывать. Кто не сообщит женщине, что у нее красивые глаза, тот пусть сам себе сделает харакири. Купит самоучитель, сядет по-японски, чтоб ноги не сломать, найдет заветную точку, и банзай. Так будет проще... А для располагающего к откровенности разговора, держал настоящий черный шоколад – *Гвардейский*. На хорошее дело не жаль.

Лёнин метод можно включить в учебники для служебного пользования. И фамилия подходящая – Шварц, у нас уважают нерусское, хотя относятся подозрительно, а уважения больше. Леня пользовался несколькими служебными удостоверениями. И пожарника, и водопроводчика, или... в общем, мы сами не знаем всех секретов. Но сейчас он показал самое настоящее удостоверение, достал *Гвардейский* и уселся пить чай в женской компании. Одна – Светочка непосредственно работала с Плаховым, другая забегала (комната через коридор) на чаепитие. Обе хорошенькие, как положено в музейной обстановке, на которую само время накладывает свой неповторимый отпечаток, разглаживает скомканные унылой действительностью черты и готовит для другой жизни, от предчувствия которой сладко обмирает сердце. Потому женщин среднего возраста, в лицах которых непременно присутствует бытовая драма, в музеях поменьше, а попадают больше такие вот девушки или старушки смотрительницы, недвижимо, как львы перед музейным входом, восседающие возле дверей из зала в зал. Без них никакая экспозиция не будет полной.

Но это к слову, пока все пьют чай в комнате, рядом с той, где работал покойный Кульбитин. Балабуев копал свое, а Леню послал, приглядеться на месте. Он Леню ценил. Так ему и сказал: – Проветришься. Иди и погляди... Леня, как пылесос, должен был втянуть, всосать с места преступления все, что только возможно, без разбора. Все слухи, все разговоры, все предположения, не бросаясь заранее на призрачный след. Как раз для него задача. А дальше они с Балабуевым сядут и подумают. Возьмут быка за рога.

И рассказывал Леня занимательно.

– Сплавлился на Горном Алтае. Река быстрая, несет, камни кругом. А тут медведь в воду зашел. Стоит и ждет, пока подьдем.

– И что же? – Ужасались женщины.

– Как вас вижу, только в глаза не заглядывал. Этого нельзя, специально предупреждали. А так лапой помахал, повернулся и пошел. А знаете, почему? Четверг. Рыбный день. Если пятница, тогда, конечно. Нам бы такую сознательность... – Разводил Леня руками. – А у вас интересно.

Может, интересно, но пусто. Рабочие комнаты не предполагали большого комфорта. Выход в узкий коридорчик, спуск по ступеням и во двор. Это, если проникать с черного хода, который закрывался изнутри и был теперь под сильным подозрением. Не пользовался ли им Кульбитин в тот роковой вечер?

– Обычное дело. – Рассказывали наперебой девушки. – Только он не черный, а служебный. Что бы всякий раз через экспозицию не бегать. Но закрываем обязательно. Снаружи звончек, по звонку впускаем, не иначе. Вышел – защелкнул за собой, а назад – звонишь. На ночь – еще и засов. Обязательно. И тогда через главный выход.

– А кто закрывает?

– Павел Николаевич или Алексей Григорьевич.

– Той ночью засов был закрыт. – Размышлял Леня. – Значит, преступник – собеседник Кульбитина (если он был) ушел первым.

– Не музей, а скорее реставрационные мастерские. – Поясняла Света. – И принадлежим мы Академии Наук. Здесь все научное. А Музей для тех, кто интересуется. У нас зал специальный. Для научных заседаний. Там лекции читают.

– Можно вот так с улицы заскочить и послушать? – Восхищался Леня. – Билет купил и проходи?

– Лекторий. Абонемент сразу на весь цикл. А деньги для одной видимости. Нас даже в войну не закрывали. И студенты ходят, и старушки. Раньше народа было много.

– Алексей Григорьевич читал? Плахов?

– На него, как в театр, ходили.

– И Кульбитин?

– И Кульбитин. Я тоже читала. Я исторический факультет закончила.

– Вот оно как. – Тянул Леня. – Тогда и мне расскажите. – Что это у вас такое, страшное?

За стеклами шкафов и на открытых полках стояли несколько десятков голов, какие можно увидеть в мастерской скульптора. И видно, что стоят они так давно, можно сказать, всегда тут стояли. Убери эти головы, и комната изменится.

– Это у нас занимались восстановлением исторически достоверной внешности. Для исторических лиц. Фотографий не было, а хочется знать, как человек выглядел. Целый отдел был такой. Антропологический.

– Как у скульптора?

– Нет, скульптор с натуры лепит. А мы научно воссоздаем. По антропометрическим данным.

– А как же, если проверить нельзя?

– Это вы у Алексея Григорьевича спросите. Он лучше объяснит. Но к нам отовсюду ездят. В прошлом году, – Света хихикнула, – Поляки одного привезли. В специальной коробке с печатями. Чтобы через таможенную пропустили. А как иначе череп везти? Алексей Григорьевич возился, чего только не делал. Сидит, циркуль с тупого конца грызет. Ты погляди. Это он мне. Я гляжу, вышел натуральный мужик.

– Вместо поляка?

– Вместо польки. Это какая-то их крулева.

– Ай-я-яй. – Сказал Леня.

– Вот и они так же. В Америку повезли проверять. Там подтвердили – точно, мужик. А крулева в другом ящике лежала. Перепутали, а может, нарочно подсунули. Алексей Григорьевич – молодец. Вообще, наша, советская школа самая лучшая.

– И Кульбитин покойный этим занимался?

– Павел Николаевич по ДНК определял.

– Это как?

– Неужели не знаете?

– Я в милиции работаю. У нас по отпечаткам.

– Можно по одной косточке определить, что за человек и откуда. Про царя нашего слышали? Там целую семью по косточкам разобрали и разложили.

– Вы этим занимаетесь?

– То судебная экспертиза, а у нас с научной целью. И лаборатория не здесь, тут только материал хранится.

– Как это, хранится?

– А вот так. Смотрите, раз вы из милиции. Будете знать. – Света потянулась в сторону стола, и выдвинула плоский ящик, какие бывают у пчелиных ульев. Там лежали завернутые в целлофан кости под закрепленными на них бирками. И Леня протянул руку...

– Не трогайте, не трогайте. Это Павла Николаевича хозяйство...

– М-да – сказал Леня после паузы. – И как же это все...

– Каждый номер в тетрадку записан.

– Посмотреть можно?

– Это у Павла Николаевича. То есть, не знаю, где теперь. Наверно, у Алексея Григорьевича в сейфе. У нас их много. Из экспедиций везут, с раскопок. Алексей Григорьевич говорит, скоро будем на коммерческую основу переходить. По костям можно всю историю человечества проверить. Всех самозванцев. Все кровосмесительные браки. Видели, какая у австрийских императоров челюсть. Это они выродились, потому что друг с дружкой кровосмешением занимались.

– Это как?

– Ой, а еще в милиции работаете. Притворяетесь, наверно.

– А у наших?

– Откуда. Комбайнеры с комбайнершами. Зато выросли на свежем воздухе. Кролем плавают.

– Это почему?

– Мы так с Наташкой решили. Брассом от себя гребут, а кролем под себя.

– Раньше на еврейках женились, пока те не разъехались. – Сообщил Леня. – Я сам не имею отношения, но путают в связи с немецкой фамилией. Папа – Герман, а я, значит, Леонид Германович. Ну, а что, ваш Павел Николаевич. Как он вам?

– Лучше Наташа скажет.

Наташа помалкивала. Курила (это Леня отметил) и вообще вид имела грустный. Огорченный человек. Пожалуй, и всплакнуть могла.

– Ну, Наташа, с вашими прекрасными глазами. Разве можно. Я ведь хочу выяснить, как и что. – Для себя Леня заметил, что насчет глаз он не преувеличил и не польстил. Может быть, даже наоборот, хотелось сказать больше.

– Хороший человек был Павел Николаевич. – Света не дала ответить подруге. – А вообще, вы Леня учтите, никто из наших не мог такое сделать, даже не думайте. Мы как одна семья жили.

– Можно по ДНК проверять? – Как Леня не шутил, а выходило симпатично. Был дар у человека.

– Проверяйте. Работаем дружно. Вот сейчас на коммерческую основу перейдем. – Света замолчала, а потом и сама аккуратно смахнула слезинку.

– Я вас прошу. – Сказал Леня. – Такие глаза. Любоваться нужно. А вы печалите. Жаль вашего Павла Николаевича. А чего он на работе так поздно сидел? Разгуливал неподалеку, вместо того, чтобы домой идти. Вы, девочки, не в курсе? – Последний вопрос был, обращен больше к Наташе. Но ответа Леня не получил и даже, если уточнить, не очень хотел получить. Такие дела так просто не делаются. Кольнул наугад (болит? не болит?) и отступил. Для первого раза было достаточно.

– Все у них, вроде бы, складно. – Размышлял Леня, отправляясь к Балабуеву. – Дружно жили. Может, даже слишком. – И ощутил, как внутри что-то отозвалось. Наташа запомнилась отдельно.

Глава 4

Ну, вот. – Говорил Балабуев, пересматривая фотографии, прикидывая с какой начать. – Вы, Алексей Григорьевич, должны быть кровно заинтересованы нам помочь. То, что вашего сотрудника убили, это вопиющий факт. Что при странных обстоятельствах убили – еще один. Это ведь и на вас бросает тень и на всю вашу деятельность. Я, конечно, понимаю, что вам оно ни к чему, это горькое происшествие, но вопросы неизбежны. И по нашей части и по вашей. Вы ведь в Академии Наук состоите? Извините, скажут, мы, значит, их содержим, отрываем от себя последнее, вместо того, чтобы на Канарские острова съездить за новыми открытиями, а они вот чем занимаются. И прикроют. Прикроют ваше замечательное учреждение, это я вам говорю, здание ваше старой постройки и исторического значения отдадут какому-нибудь банку. Или вообще снесут, что вернее. И не будет у вас никакой возможности себя защитить. Именно так и объяснят. Пока на вас это пятно остается. Так что вы не себя спасаете от милицейского произвола (согласитесь, вы ведь и так можете думать), а всю свою научную и трудовую биографию вместе с незапятнанной репутацией. Ведь не привлекались? Я так и подумал. Мы с вами, Алексей Григорьевич, в одной лодке сидим и вместе должны грести. И телефон мой должен рядом с вашей кроватью находиться, пока не запомните его наизусть. До тех пор, пока мы к общему удовлетворению не раскроем это дело.

Плахов молчал, возразить было нечего. А Балабуев перебирал снимки и продолжал философствовать. – Хорошо, что сейчас время такое. Народ разленился, газет не читает, телевизор не смотрит, разошелся по огородам, встал, извиняюсь, в скорбную позу, картошку копать. А когда свое удовольствие получит, что тогда? Это наше счастье, что журналисты не пронюхали, иначе звон пойдет, хоть уши затыкай. Скажите спасибо нашему руководству, что не стало информацию разглашать, пока возможно. До поры, до времени. А если откроется? Тогда всем плохо будет, и вам хуже некуда. Я ведь, если придется дело закрывать, должен буду рапорт писать, помогали вы мне или решили в стороне оставаться, и тем самым безразличие проявили к интересам следствия. Так что вы, Алексей Григорьевич, телефон мой сразу возьмите на карандаш. Я даже домашний даю, на случай срочных сообщений. Так и обозначим – круглосуточно, для вас я не сплю. Зовут меня Сергей Сидорович. Фамилия моя вам известна. Так что будем знакомы. А теперь смотрите.

И два человека, в чем-то даже близкие по виду, как люди примерно одного возраста и граждане одной страны, склонились над столом.

– Для начала давайте поглядим, кто пришел проводить Павла Николаевича в последний путь. Он в бога веровал? Веровал. А вы сами, Алексей Григорьевич? Как насчет этого? В Господа нашего Иисуса Христа? Не отвечайте, я просто так спросил. Павла Николаевича где отпевали? На кладбище? Это хорошо. Убийца в церковь может заглянуть, попрощаться, цветок возложить (они красные гвоздики предпочитают), а на кладбище чего ему ехать. Он свое дело сделал, ему отдыхать пора. И мы этого самого дорогого для следствия человека по дороге потеряем. А тут все сразу. Очень даже удобно. Я вам потом историю расскажу. Был случай. А пока смотрите, смотрите. В церкви мы не снимаем. Там не всякая пленка срабатывает, засвечивается от присутствия божественных сил.

– Правда?

– Ей богу. Я вам потом историю приведу. Грешники хорошо получают, грешницы особенно. Добродетельные – те хуже. Расплывчато. Я у батюшки интересовался, он мне и пояснил. Голубиц, исстрадавшихся до малокровия, Господь для себя бережет, а на грешниц гневным перстом указывает... Ну, да ладно. А вот вы мне скажите, что за человек был этот Павел Николаевич. Дружили с ним? В гости ходили? Пиво пили с рыбкой? Сейчас на каждом углу. Ведь в одних годах, он вам не завидовал?

– Дружбы особой не было. – Отвечал Плахов неторопливо. Видно, продумывал, чтобы не сказать напрасно. – По деловым вопросам трений не возникало. А амбиции были. – Плахов что-то вспомнил и усмехнулся.

– Я смотрю, вы что-то без энтузиазма. О покойниках, знаете, либо плохо, либо ничего. Вы, видно, решили воздержаться. А что за случай вы вспомнили?

– Не имеет отношения к делу.

– Как знать, как знать... Ну, вам виднее. А как с сотрудницами отношения? Я знаю, они у вас симпатичные.

– Ничего плохого сказать не могу.

– А кто же про таких красавиц плохо скажет. – Поддержал Балабуев. – Видно интеллигентного человека. С принципами. Только, если что вспомните или заговорит чувство, в себе не держите. Если не вы виновник (а я вам верю, верю), другой грех на себя приму и отпущу. А теперь давайте карточки смотреть. Мне матушка рассказывала, у нас в роду священники были, видно, и мне передалось. А ваши, извиняюсь, кто?

– Инженеры. В институте познакомились. А до этого, из мещан, так теперь можно определять. Ничего особенного.

– Не скажите. Для следствия, как для Господа нашего, каждый человек ценен. Пуще того. И по жизни так выходит. Но вы смотрите, смотрите.

Все фотографии были с похорон Павла Николаевича, возле открытой могилы. Сняты оперативной съемкой с разных сторон, подробно и обстоятельно. Плахов нашел себя, в фас и профиль, хоть снимали не именно его, а лица в толпе. Вот и он попал.

– У нас принято самому присутствовать. – Пояснял Балабуев. – Но я не поспел, приехал к самому концу, уже расходиться стали. Вы ничего не заметили? Нет? У ФБР выучились снимать, они нам свое преподнесли, мы им свое. Так ведь и учимся друг у дружки. Толковые ребята. Негра на носилках с учений унесли, теперь письма благодарные шлет, раньше времени на пенсию вышел. По инвалидности. Мы тут думали, что с этими письмами делать, а генерал распорядился в музей передать, как пример боевого сотрудничества. А у них, я вам скажу, ничего нет особенного. Хотите детектор лжи пройти? – Спросил Балабуев неожиданно. – Ну ладно, если возникнет такая необходимость, я вас без очереди проведу. А то взяли моду, чуть что, жен да мужей проверять, всю бумагу извели. Но результаты есть, есть результаты. Хоть ты Клинтон, хоть кто. Сам генерал свою половину после санатория приводил.

Пример показывал. Но кончилось счастливо, глазами по сторонам зыркает, а результат отрицательный. Я вам потом этот случай расскажу.

– Он все-таки чокнутый, – хотел подумать Плахов, но не успел, следователь опередил – Вот, думает, разговорился Сергей Сидорович. Не иначе, запутать хочет. А я не путаю, я сейчас на вашу, Алексей Григорьевич, искренность больше всего рассчитываю. И сообразительность. Вот это, я полагаю, жена Павла Николаевича, а теперь, значит, вдова.

– Ксения, отчества не помню.

– И не нужно. Это детки. – Палец Балабуева скользил по снимку. – Пропустим. Маленькие еще, папку по голове тукнуть. Хоть мальчик мог... Сироты. – Вздыхнул Балабуев.

– Странный он, все таки. – Подумал Плахов.

– Ладно. Давайте, быстренько пробежимся. Вы мне портретики набросаете, а потом мы плотнее займемся, кого куда. Эти девушки?

– Наши сотрудницы. Светлана и Наталья.

– Сейчас быстренько для общего знакомства. Значит, Светлана и Наталья.

– Вы же сами о них говорили. – Удивился Плахов.

– Поступила информация. А сейчас вот познакомился. Ишь, какие. Курочки. Я вам потом случай расскажу. Как думаете, насчет характера отношений? С Павлом Николаевичем?

– Не знаю, а придумывать не хочу.

– Правильно. – Неожиданно легко согласился следователь.

Странное ощущение оставалось от общения с ним (это к слову). Только успевал Плахов удивиться неожиданным рассуждениям Балабуева, да и возмутиться (пожалуй), а тот уже гнал дальше. Не торопил, не мелькал, а так, будто пчела перелетает с цветка на цветок. Туда, сюда, и собирает с каждого что-то свое.

– Эти?

– Из Института истории. Вместе с нами конференцию проводили. И в редколлегии *Византийского вестника*. Там их фамилии есть. Этот Кустоедов – Плахов ткнул пальцем, – оппонентом был на защите диссертации у Павла Николаевича.

– Оппонентом? Ладно, потом... Хотя оппоненты любят в портфелях рыться. Как диссертация Павла Николаевича называлась?

– Точно не скажу. Но по содержанию: – Использование полимеразной реакции для идентификации содержимого исторических захоронений.

– Это, что такое? Поясните, по русски.

– ДНК. Наследственное вещество. Состоит из генов, отдельных элементов. По ним можно установить родственную принадлежность. В том числе, по костям, как наиболее сохранному материалу.

– Как с нашей царской фамилией?

– Именно так.

– Пошли дальше. У вас с собой вашего *Вестника* нет?

– Есть, представьте. Мы как раз над новым выпуском работаем. Я последний с собой ношу.

– Можете показать?

– Плахов достал сумку, вытащил сборник. Делал он с некоторым удовольствием, ученый – на то и ученый, чтобы ввести желающих в храм своей науки (пусть немного высокопарно, но именно так). Но и Балабуев остался самим собой, успел вставить.

– Я смотрю, вы все с портфелями ходите. У народа примета, раз с портфелем, значит, ученый.

– Это сумка. – Уточнил Плахов. Открыл начало сборника и показал перечень фамилий на отдельной странице. Состав редколлегии. Это Павел Николаевич Кульбитин. А это я.

– Ответственный секретарь? Давайте сюда. Пока мы здесь сидим, нам копию сделают. И птичками пометьте. У вас, я смотрю, иностранцы здесь есть. – Балабуев нажал кнопку, сунулся в коридор и передал сборник.

– И иностранцы. – В Плахове проснулась профессиональная гордость. – Это лучший сборник по нашей проблеме. Его во все научные центры мира рассылают. И в библиотеки. За деньги, конечно.

– Молодцы.

– И здесь на фото они есть.

– Кто?

– Наши иностранные коллеги. Вот, вот и вот. Конференция только закончилась, и люди остались поработать.

– Это, простите, кто?

– Элизабет Дуглас. Англичанка. Она в Турции возглавляет постоянно действующую экспедицию. ЮНЕСКО оплачивает. И я там был.

– И вы?

– Трижды. И Павел Николаевич. У нас в России замечательные документы. Взаимовыгодное сотрудничество. Не можем друг без друга.

– Так, может, в рукописях все и дело?

– Но подлинники мы в музее не держим. Они в хранилище рукописей. А секретного ничего нет. Бери и работай. Иностранцы потому в Москве и задержались.

– Ясно. Видная дама – эта ваша англичанка. Элизабет. Говорите, часто общались. Мимо такой пройти трудно.

Плахов отмолчался.

– М-да. Что ж ее муж так надолго отпускает? В экспедицию. Настолько предана науке? Не в курсе? – Валабуев смотрел внимательно. – С характером женщина. Худая, но жилистая. Наверно, на солнце много бывает. Ну, ладно. А это кто такой?

– Пьер Мустафа Кудум. Француз, алжирец по происхождению. Из Сорбонны.

– Вон какой, пухленький, гладенький, шарфик надел. Цыпа. Вход со двора, наверно?

– Не понял.

– Это мы между собой. Ну, знаете, с нетрадиционной ориентацией. Избушка, избушка. Повернись ко мне задом. Какие у вас отношения?

– Рабочие. – Сухо отвечал Плахов.

– Наверно, не так выразился. – Огорчился Валабуев. – В Управлении коллега вернулся из Америки. Со стажировки. Теперь это одобряется. В биологии считается очень важно. Для соблюдения природного равновесия. Хотите, расскажу случай?

– Не нужно.

– Правильно. Это я просто так сказал. Еще кого-то можете назвать?

– По какому поводу?

– Ну, вообще. Если, например, с иностранцев начать.

– Я вам могу список предоставить.

– Если потребуется. А пока своими словами.

– Еще из редколлегии. С нами сотрудничает. Памфилас Георгис. Грек. Профессор из Афин. Но он еще до убийства отбыл.

– Это вряд ли. Раз отбыл. Но хоть бы одним глазком глянуть. Жаль, фото нет.

– Почему нет? – Удивился Плахов. – Есть. Прямо с конференции. Вот, я с собой захватил.

– Молодец. Внимательный какой. – Восхитился Валабуев.

– Они здесь с Кульбитиним. Потому я взял.

– Колоритная личность. – Одобрил Валабуев, рассматривая грека. Вот, наша жизнь. Сегодня вместе, планы строим, а завтра, увы, совсем в других местах. Только гадать приходится. А вот обстоятельства перемещения... это совсем другое дело...

– Вы, прямо, философ. – Не удержался Плахов.

– А как иначе. – Валабуев обрадовался за философа. – Нам тоже размышлять приходится. А тут еще грек. Ишь, какой. Прямо Александр Македонский. Подбородок задрал, в сторону смотрит. Воин. Грудь четвертого человека ищет, мужчины, конечно. У дамы бы ближе нашел, не стал далеко тянуться. Гордец. Фото вы мне, пожалуй, оставьте. Сохраню, как драгоценность, копию сделаю и верну. Хоть Павла Николаевича нет, а все равно верну. – Валабуев смотался к дверям и вернулся довольный – Вот и сборничек наш подрос. Этих, что мы вспомнили, вы мне отметьте. Птичками, птичками. Пойдем дальше. Вот эта парочка. – Валабуев ткнул пальцем в грузного седого мужчину и прислонившуюся к нему молодую женщину. Бывает такое, внешность неяркая, не бросается в глаза, а лицо в памяти остается, долго там держится, как будто светит изнутри. И Валабуев это отметил.

– Русская красота. Неяркая, зато наша. Засмотришься, а потом, глядь, кошелек нет. Не иначе, как дома забыл.

– Иван Михайлович Берестов, а это его дочь Маша. – Сухо пояснял Плахов. – Знакомые Павла Николаевича.

– И ваши, нужно полагать?

– Знаком. Интересуются историей. Он – инженер или бухгалтер, вроде бы, а где, не выяснял.

– Выясним, если понадобится. А девица?

– Не такая и девица. Выглядит молодо. На лекции ходила по истории, когда они еще были. Оттуда и знаю.

– А Павел Николаевич?

– Раз пришли, значит, знал.

– Хороший ответ. Ладно, поехали дальше.

– Дальше некуда. Остальных не знаю. Вот это тетка его. Этого я встречал, когда на банкете был по поводу диссертации. Но ничего о них сказать не могу.

– И это немало. – Подитожил Балабуев. – Не удивлюсь, Алексей Григорьевич, если кто-то из этих людей знает о нашем печальном деле больше, чем мы с вами.

– Еще этого помню. Я с ним потом на поминках разговаривал. Бойкий молодой человек. То же, историей интересуется.

– Кто такой? – Балабуев взглянул в фотографию. Человек снят был сбоку и разглядеть его было непросто. Приглаживал волосы, а на самом деле прикрывал лицо (можно было так подумать), как чувствовал, что снимают и откуда. И реакция Балабуева оказалась неожиданной. С размаха опустился на стул и застыл. Потом развернул снимок в сторону Плахова.

– Этого, кажется, знаю. Точно. Картошкин. Федя Картошкин. Репортер *Криминального курьера*. Молодой, но ранний. А вам он как представился?

– Сказал, что читает Павла Николаевича и собирает биографические подробности. Кстати, на завтра и напросился. Дел по горло, но полчаса просил уделить. Значит, и в газетах появится? Если так, не приму.

– Тут думать нужно. – Балабуев был раздосадован. – Этот Федя – настырный. Будет крутиться. Он вас без внимания не оставит. Просить не могу, но советую, интересов дела не касайтесь. И вообще, осторожнее с ним. Это мы факты должны собирать, доказательства. А у них что? Журналистское расследование. Слухи. Версия. Может так, а может эдак. Они вас так расследуют, будете потом по судам ходить, опровержения писать. Погодите, вы что-то хотите сказать?

– Да, вообще то...

Балабуев был задет за живое. Обнажился неожиданно человек со всеми его страстями. – Вы эту публику не знаете. Тайна следствия... никакого разглашения... А этот. Персонаж. Фигаро. Под кровать заляжет, не шелохнется. Он вам и дальний родственник... И фронтовой друг... Мало ли кто. Знаете... Мы ведь с вами заодно... Хотим справедливость восстановить... А когда такое видишь... – И Балабуев рассерженно постучал пальцем по фотографии.

На том разговор и закончился.

Глава 5

Ресмотря на искреннее желание сотрудничать со следствием (а как может быть иначе у законопослушного гражданина), кое-что Плахов утаил. Это ни для кого не пример, и сам Плахов поступил так непонятно для себя самого. И все же утаил.

Несколько лет назад, когда тяга к ненужным для практической жизни знаниям еще сохранялась в интеллигентном обществе, Алексей Григорьевич читал курс лекций по истории Византии. Для общего развития жителей и гостей столицы (было такое обобщающее определение). Представьте себе, несколько десятков слушателей на такие лекции набиралось. Разные люди – моложе и постарше, некоторые приходили с карандашами и тетрадками, а многих отличало знание вопроса вплоть до фундаментальных трудов профессора Федора Ивановича Успенского (основателя и директора *Русского археологического института* в Константинополе), описавшего свой предмет так, будто с каждым из византийцев он был знаком лично. История вообще предмет очень личный, и те, кто не понимают этого, думают, что можно пройти мимо, не повернув головы, ошибаются, тогда за них это сделают другие и вложат в такую равнодушную голову свои собственные идеи и пожелания на будущее. А в будущем каждый уже сейчас пытается освободить место по факту собственной правоты. Откуда же ее взять, если не из истории?

Плахов лекции любил, таково свойство ученых – желание поделиться истиной, а заодно и себя убедить, что знание это кому-то нужно, и они не зря прожигают собственную жизнь. Трудно во всем этом дать себе отчет (и не только ученым), но люди тонкие к этому приходят, и такие вот лекции, общение с простыми людьми убеждают: да, именно так, выбор сделан правильно.

Среди постоянной аудитории глаз легко находит знакомые лица. Это известно любому лектору, а что касается Алексея Григорьевича, то именно тогда он стал отмечать среди своих слушателей молодую женщину, занимавшую одно и то же угловое место в третьем ряду, как раз напротив кафедры, с которой Алексей Григорьевич вещал, изредка поворачиваясь к экрану со слайдами и демонстрируя в свете проектора свой остроносый профиль. Святыни Константинополя пришли в упадок или, того хуже, были переделаны турками в мечети для собственных надобностей. Смотреть на все это было грустно. Выручали картинки с археологических раскопок, которые велись в Стамбуле, на которых приходилось бывать самому Плахову и покойному Кульбитину (как мы уже сообщали). На фоне этих картинок рассказ выходил не таким сухим, а если учесть, что последние дни Константинополя относились к сравнительно близкому нам времени – пятнадцатому веку, то и находки выходили не слишком древними, сопоставимыми по годам с монастырскими захоронениями, а то и просто кладбищами. Турецкое правительство давало разрешения на эти работы без особого желания, но с авторитетом ЮНЕСКО спорить было трудно. Турецкая рана не заживала – легко сказать, сокровища Трои, раскопали в местной провинции, а где они теперь – вывезли в Германию, а потом и вовсе в Россию. Смириться с этим трудно, тем более, эти страны (Германия и Россия) спорят между собой за обладание сокровищами, как будто сами турки здесь не причем. Так и говорили оскорбленным туркам от имени древних греков, которых, собственно, представлял Шлиман, разворотивший здешние холмы. Кто последний, тот и прав. Утерли туркам большой нос. Потому учет и контроль теперь велись мелочно и придирчиво, чиновник (а они были представлены в составе экспедиции) по своей природе существо именно придирчивое. Тогда в чем интерес? В самих костях и черепках, в обломках керамики, в проржавевшем металле, кирпиче, обожженном пожаром войн. Именно так. Иначе энтузиазм тружеников, роющихся в раскаленной от жары земле, невозможно объяснить. На слайдах и фотографиях это было видно. Мелькали люди, известные нам по рассказу следователю Балабуеву, и ряд других лиц, не менее интересных.

Показ таких слайдов дополнял историю трагического конца Византии. Трагедия, когда конец предрешен, интересна именно деталями, подробностями происшедшего. Языки божественного пламени вырвались из-под купола святой Софии. И тогда монахи объявили усталым, израненным, но не сломленным воинам, что Ангел Небесный – их защитник и спаситель покинул обреченный город. А утром турки пошли на последний штурм...

Обо всем этом (и о многом другом) Плахов рассказывал, глядя поверх голов слушателей, не выделяя никого особо, но и женщину не терял из вида. Она сидела, удобно откинувшись на спинку скрипучего казенного кресла (новых музей не мог себе позволить). Сидела неподвижно, почти не меняя наклона головы и брошенных на колени рук, и за этой маловыразительной позой, за отсутствием движения, Плахов не мог угадать, отношение к его рассказу. И что она делает здесь вообще.

Потом, однако, прояснилось. Сам Плахов подошел, именно с таким вопросом: нужно ли усилить качество подачи материала (хороший повод для знакомства), и женщина сказала, что все и так хорошо, но хочется больше знать об ученой жизни самого Плахова и его коллег. Есть такие люди, любят греться у чужого костра вместо того, чтобы развести собственный. Может, и не совсем так, потому что семья у Маши (так звали женщину) была в виде отца Ивана Михайловича Берестова и не больше (сами судите, какая это семья).

И жили они как-то одиноко, потому что странно представить одиночество вдвоем. Но Плахова они к себе пригласили, и он стал бывать, редко, но именно бывать без особой цели. И Маша была уже не совсем молодой, такие уже не только на лекциях, но по самой жизни садятся в углу и выманить их оттуда непросто. Да и не нужно, сама Маша именно так бы и дополнила. Не молода. За тридцать, хорошо за тридцать, как могли бы уточнить те, кто любит уточнять. Но и сорока пока нет. И это правда. Впрочем, какое удовольствие женщине даже в самом цветущем возрасте, если повода для цветения не находится. Все сама и сама, да с Иваном Михайловичем. Этого Плахов не мог понять.

Остается вопрос: пытался ли Плахов обозначить себя как мужчина. И да, и нет. Противоречие состояло в самой Маше, которая, даже проявляя склонность, не забывала пользоваться огнетушителем. Возможно, Кульбитину (Маша и с ним была знакома) везло чуть больше, хоть это всего лишь мнение раздосадованного неудачника. Впрочем, мы говорим о том, что могло быть, а на самом деле были ровные поверхностные отношения, продолжавшиеся несколько лет. Сам Иван Михайлович интересовал Плахова даже больше. Личность была не слишком загадочная (какие особенные загадки могут быть в наших людях), знай себе, покачивался в своем кресле-качалке. Но многозначительность была, что случается не часто и даже вызывает недоумение вмешательством в привычное однообразие скользящего по поверхности взгляда. Что это там? А это сфинкс, присыпанный песком, посреди пустыни. О чем-то таком человек размышляет, что-то таит в себе, не прячет, а именно таит на недоступной другим глубине. Впрочем, один раз, когда они остались вдвоем (Маша вышла на кухню за чайником), Берестов вдруг, как бы между прочим, попросил Плахова беречь дочь, помочь, если что. Просьба оказалась совершенно неожиданной, не вытекающей из разговора, и потому Плахов понял, что просят всерьез, надеясь, что он не подведет. Тут Иван Михайлович сделал правильный выбор, если только он с такой же просьбой не обращался и к Кульбитину. Но, если и обращался, тоже ничего странного.

Что Кульбитин, если вспомнить покойника? Умел нравиться женщинам, хоть это не совсем точно, а лучше так – мог произвести впечатление. Знал это, и относился к этому знанию со спокойным достоинством. При собственной жене и детях имел талант покровительствовать женщинам, и те, ощутив на себе это покровительство, чувствовали себя польщенными. Кульбитин умел устраивать дела, а Плахов нет. И, понятно, что к Кульбитину обращались. Другое дело, что неторопливость Кульбитина распространялась и на науку, а ум Плахова был живее и бойче, поэтому руководителем проекта назначили именно его. Кульбитин не обижался, теперь

он (в новые уже времена) думал уйти в бизнес, и, нужно полагать, достиг бы успехов. Но так не вышло, или, если мыслить за пределами земного времени, вышло совсем по иному, задачей для Балабуева.

Вернемся, однако, к Ивану Михайловичу. Плахов бывал там нечасто (мы уже говорили, а здесь только напоминаем), но в дом этот его тянуло. И если бы Плахова спросили, кто создавал здесь уют – дочь или отец, он бы затруднился с ответом. Обстановка располагала. Было несколько икон в углу, и, опять же трудно понять, украшали они дом или служили своему главному назначению. От их присутствия, от лампы с матерчатым абажуром, низко висящей на столе, отчего большая часть комнаты впадала в полумрак, в котором тускло светилося зеркало, переговаривались между собой почти невидимые птицы, в форточку карабкался с улицы кот, цвел кактус, масса других малозначащих сами по себе бытовых деталей и подробностей отлаженного быта, вставали стеной, за которой шла своим ходом совсем другая жизнь. Где-то там, но только не здесь. Возможно, когда-нибудь потом все изменится, но какое до этого дело, важно то, что происходит сейчас. В общем, на душе оттаивало.

Несколько месяцев они не виделись. Иван Михайлович болел, Плахов ездил по экспедициям (у археологов лето – горячий сезон). Встретились они на похоронах Кульбитина. Иван Михайлович не преминул заглянуть Плахову в глаза. Он вообще умел говорить глазами, что случается не часто. И взглядом напомнил Плахову об обязательстве, беречь дочь. Как то так вышло, что Плахов это обязательство взял.

Встретились они в тот же день после разговора со следователем, Балабуев, кстати, заметил, что Плахов торопится. Женские лица подвержены переживаниям сильнее мужских, и Машино лицо годилось для примера. Была она в темных очках, волосы убраны под косынку. – Не знала, как одеться. Дождь мог быть. Вполне. Погода в сентябре переменчива. Но пока уселись на скамейку.

– Как там у Павла Николаевича? – Маша спросила. Плахов побывал на поминках. Хоть какие поминки по безвинно и непонятно кем и за что убитому. Потрясенная жена, родственники, несколько незнакомых людей и их отдел – Света с Наташей, и он – Плахов. Иностранцев решили не звать, не отвечали они нашим традициям. Знак вопроса витал. Свои поймут, а эти... Впрочем, не будем впадать в грустный тон, печаль не терпит пустых разговоров. Маша, конечно, не пошла. Объяснила, из-за отца. Приболел. Хоть он, возможно, и был бы к месту. А вот одинокая женщина... кто такая... кем приходится... В общем, не пошла.

– Но ведь вы с Пашей друзья. Близкие люди. – Плахов пытался уточнить степень близости и боялся ответа.

– Ах, оставьте. Думаете, я могла завести роман с женатым человеком? – Если она и глянула на Плахова (а ему показалось), то непонятно как из-под темных очков. Но даже если показалось, уже немало.

– Павел Николаевич нашел с папой общий язык. Папа старинными рукописями интересуется. А Паша мог показать знатокам, копии, конечно. Вот они вдвоем изучали.

– Много?

– Что много?

– Ну, часто изучали?

– Много. Последнее время особенно.

– А я и не знал. – Плахов казался раздосадованным. – Почему Иван Михайлович ко мне не обратился?

– Папа к вам лучше относится. Вы еще только приглядывались, а Паша ко мне сразу подошел. Попросил с отцом познакомиться, когда узнал, что он Византией интересуется. Отсюда и общий интерес. А вы мне нравились больше. – И снова глянула на Плахова, и руку неожиданно положила, свою в тонкой перчатке на его, чувствительную к такому прикосновению.

Внутри что-то такое отозвалось, и уже не стихало. – Потому я на все ваши лекции ходила, а не на Пашины. Он, кстати, обижался...

Плахов чувствовал себя польщенным. Много ли влюбленному нужно. Но задеты были интересы науки, а здесь он был точным. – Значит, у Павла были общие дела с Иваном Михайловичем? А я и не знал.

– Папа занимался рукописями. А Павел слово взял, что ни одна душа про их совместный интерес не узнает. И меня просили не разглашать. Что я могла?.. Но теперь... И мне легче, что рассказала. А то ведь нехорошо. Правда? – Заглядывала Маша в глаза Плахову. Совсем близко оказались эти глаза.

– Нехорошо. – Подтвердил Плахов, теряя голос. – А какой интерес в этих рукописях?

– Папа считает, род наш оттуда идет. И хотел найти подтверждение.

– И Павла Николаевича посвятил?

– Да, Павел был в курсе. Поэтому и слово взял. Вас опасался, боялся, что тему перехватите. Он вам, представьте, завидовал.

– Мне? В чем?

– Считал, что вы ярче, талантливее. А Павел – кто? Завхоз. С бумажками возился.

– На завхозах мир держится.

– Вы, прямо, как папа. Паша зайдет, они сядут на кухне чай пить, рукописи эти разложат, меня в комнату отправят... сколько я не просилась... ни о чем, вроде бы, всерьез не разговаривают. Мне, значит, сюрприз хотят сделать. А папа потом таблетки пьет.

– Что за сюрприз?

– Выставку специальную готовили. Вы, как будто, не знаете...

– В общих чертах. Павел говорил. Была у него идея. Я экспонаты из фонда хранения разрешил выдать.

– Вот видите. А я скульптору позировала.

– Вы? А это как же? – Плахов казался растерянным.

– Потому что к Византии имеем отношение. Папа мне всегда говорил...

– Так может... не поделили они чего-нибудь?

– Не может. Как вам такое в голову пришло?

– Со следователями общаюсь, вот и пришло. Ну, это я в шутку.

– Даже в шутку. Странная история какая-то. Знаешь, хватит об этом.

Маша перешла на *ты* и уже совсем неожиданно добавила. – Что это мы, как юные влюбленные? Может быть, пригласишь куда-нибудь даму?

И Плахов с восторгом согласился.

Глава 6

Темнеет сейчас рано. Вечерняя темень сырая, все еще теплая и как бы живая. Насыщенного влагой воздуха касаешься щекой. Включать освещение стали реже и меньше, люди, пробегающие сквозь подслеповатую серебрящуюся мглу, кажутся тенями. Ожившими тенями, потому что голоса отчетливо слышны, переговариваются и торопятся куда-то. Ясно, что домой. Милиция прибыла быстро, проходили вдвоем неподалеку и немедленно повернули за угол. Человек сидел, привалившись к стене, разбросав ноги. Голова свесилась на грудь, лица не видно. Пьян? Патрульный окликнул и пошевелил ногу сидящего носком туфли. Здесь и дальше многоточиями выделены смысловые слова-связки, при помощи которых милиция облегчает себе выполнение служебных обязанностей.

– Не пьян, вроде. Эй... вставай.... – Сидящий и не думал отзываться или, если выразиться еще мрачнее, не подавал признаков жизни.

– ... В кармане глянь.... Посвети...

– Да ну его.... Потом станет жаловаться.... Блин.... Крови, вроде, нет... Но, видать.... от всего сердца...

– А ты все равно глянь.

– Глянул.... Ё... Иностранец, кажись. Не наш... Эй, ты, пидор... Ты живой...? Коля, вызывай... перевозку...

– ... Уже вызвал...

– А ты поторопи.... А то потом будем.... С этим.... Бумагу писать. И время засеки...

– Свидетелей хорошо... пока опросить... Кто нашел...

– Вот именно... Ё... Найдутся они... Тут пидоры... собираются. Может оттуда...

– Да ну их... Нет и.... Вон труповозка... едет.

– Посвети. Глянь... шевелится...

– Ну его... Давай, грузи... тяжелый...

Глава 7

Федя Картошкин, конечно, не был таким монстром, как изображают репортеров криминальных новостей. Вполне рациональный человек, историк по образованию, нашедший себя в новое, совсем непростое время, когда его бесцеремонность, азарт пришлись впору.

Феде позвонил дворник Рустам. Рустам был таджик, устроился в городе на птичьих правах и дел с милицией старался не иметь. Это он нашел тело Павла Николаевича. А с Федей у него было знакомство по курьезному случаю, не имеющему к нам отношения. Федя не забывал визитку оставить, и, если что, просил звонить. Как создается агентура? Именно так. На почве взаимной заинтересованности. В милицию Рустаму звонить не хотелось, голос бы выдал нерусского, да и зачем ему. Начнут расспрашивать.

Федя – редкий случай – скучал. А тут такой подарок. Ехать недалеко. Федя прибыл на место происшествия со скоростью пожарной команды. Рустам показал. Федя присветил фонариком и отошел осторожно, чтобы ничего не задеть, никому на глаза не попадаться. Опытный человек, ничего не скажешь. Позвонил в милицию, сказал, что, вот, нашел, выгуливая собаку. Устроился неподалеку и стал наблюдать. Хоть наблюдать было нечего. Приехали, потоптались (работнички!), сфотографировали и отвезли. А Федя размышлял. Труп неизвестного в большом городе не редкость. Одежда вполне. Брюки светлые, туфли приличные, хоть на каждый день. Часы на руке не тронуты. Часы Федю воодушевили. Будь обычное ограбление, о часах бы не забыли (ясное дело, в карманах Федя рыться не стал). Значит, что-то здесь есть...

Весь следующий день, пока милиция устанавливала личность убитого и вообще начала шевелиться, Федя вел работу. Фамилию погибшего через знакомых в милиции он прояснил быстро. Чего спрашивается убивать музейных работников? Люди тихие, малозаметные..., хотя вот тут, извините. Опекают большие ценности. В таком противоречии и кроется содержание. Зададим себе этот вопрос. Неясно. Значит, Фединым читателям будет интересно. Стоило копнуть. И Федя взялся. Побывал на похоронах, даже на поминки проник. Поглядел на Плахова. На прочих. Прислушался со стороны, чем занимался покойник и остался в недоумении.

Кому Кульбитин этот мешал? Изучал всякие ископаемые, которые даже полезными по нашему времени не назовешь. Продать нельзя. Приватизировать незачем. Что тогда? Но других зацепок не было. Приходилось пока ждать. Не было у Феде возможностей, определить, как и что. Ничего не оставалось, как со стороны наблюдать. Он еще раздумывал, предать ли это дело огласке. Но ведь и сказать нечего. В общем, Федя решил выждать.

Глава 8

В нашей жизни принято присваивать событиям выразительные названия, особенно если эти события происходят в рабочее время и способствуют продвижению дела. Поэтому встреча Балабуева со Шварцем именовалась *оперативным совещанием*. Шварц пришел к Балабуеву доложить, как и что. Получалось неутешительно. Чего этого Кульбитина понесло на роковую встречу, что он там хотел, с кем встречался, выяснить не удавалось

– Может, его и убивать не собирались. – Рассуждал Балабуев. – Шваркнули по голове и перестарались. Портфель отобрали. Хотя что портфель. Даже часы не сняли. А часы имелись. Денег нет? Порядочный человек, потому и нет. Хотя тоже не факт.

– Да, и не в этом дело. – Вторил Шварц начальству. – Какого черта его туда понесло?

– Может быть, шел к кому-то. По дороге встретили. А мы тут голову ломаем. Да еще дураками делают...

– Кто?

– Ты знаешь, кого этот Плахов опознал? Картошкина. И ведь пристроился за спинами подлец, я его сразу и не разглядел. Ты видишь, Леня. Мы последними обо всем узнаем.

– Не совсем. – Скромно отвечал Шварц. – Позвольте продолжить. Прошелся я по местам, где Кульбитина убили. И набрел на нерусского. Таджик по имени Рустам. Никто уборкой территории заниматься не хочет. Вот ЖЭК этого Рустама и взял. Пообещали постоянное трудоустройство, потому он такой запуганный. Поговорил я с этим Рустамом, оказывается, это он Картошкину сообщил. Тот подъехал, наши уже потом.

– Ловко. Так это он и вызвал. А никакой не собачник. Голос в милиции записан. Ах, Картошкин, что ж ты такой неумный. Ну, Леня, сделал мне подарок. Значит, так. Пусть пока крутится, мы теперь за ним приглядим. Он чем дышит?

– Жабрами.

– Вот именно. Пусть копает. Настанет час, мы его за эти жабры и возьмем. Будет знать козлик, как в чужом огороде морковку щипать. Ну, хорошо, с Картошкиным понятно, а наверху. Информация при нас, а там уже в курсе дела. Круги по воде идут, а кто камень бросает неизвестно. Что ты в музее накопал?

– Кульбитин два дня ходил, делал какие-то экспертизы. Обычно они по графику работают. А тут пришел вне всякой очереди.

– Что определял?

– Генетическую идентичность.

– Угу. Меня этот Плахов просветил. Кого с кем?

– Вопрос. Свежих образцов у них в музей не поступало. Частный заказ.

– А учет он ведет?

– Целый журнал. Он в целости.

– А если изъять.

– Вся их документация там. Забирать зачем? Она вся в компьютере есть.

– Балда. В журнале пометки могут быть, комментарии.

– Я кое-что выписал. Ничего особенного.

– Все равно, что-то здесь не то. Больно борзый этот Кульбитин.

– Был... – Уточнил Шварц.

– Ну, да. Был. Но какие-то продолжатели у этого дела есть. Они же его и успокоили. Значит так. У тебя два задания: поезжай в Управу, найди этого Закса Семена Иосифовича. Запомнил? Две умные головы лучше, чем одна или наши полторы. А потом займись иностранцами, которые у нас отмечены. Я, если нужно, начальство спрошу, на пару дней людей выделить.

Пусть поглядят, поинтересуются, как они время здесь проводят. Я пока в музей схожу. Этот Плахов ни то, ни се.

– Девочки в музее говорили. Они с Кульбитиним снова в Стамбул собирались.

– Вот это уже от нас будет зависеть. – Строго сказал Балабуев. – И от него самого, конечно. От искреннего сотрудничества с органами следствия.

Глава 9

Я вам скажу, – Говорил Балабуев Плахову, осматривая скромный музейный кабинетик, – это не наш метод. Как осмотр места происшествия – не годится, как следственный эксперимент тоже, обыскивать вообще глупо – сколько времени прошло, да и ордер не дадут (какие основания?), и, вообще, если подумать, что я делаю у вас, непонятно. В принципе, если бы у нас не сложились отношения (а они ведь сложились), вы свободно могли бы попросить меня уйти. И я бы исчез, растворился, как белый парус за горизонтом. Но я вам скажу, Алексей Григорьевич, затянулся узелок, и пока мы с вами его не распутаем, это нам обоим, как сейчас говорят, сплошной геморрой-с. Знакомы? Нет? Счастливый человек. – Балабуев вздохнул и продолжал. – Но и для вас могут сложиться проблемы, хоть и в другом месте. Подписку о невыезде я с вас хоть сейчас могу взять. И ограничить вашу свободу передвижения. А что делать? Вот у меня, где сидит... – Балабуев постучал себя по затылку. – Может, возразить хотите?

– Не хочу.

– И правильно. Как должностное лицо я, конечно, спокоен и беспристрастен, какие могут быть претензии, а, как человек, я на вас в обиде. Вы этот геморрой запустили, а теперь – доктор помогите? А я кто? Живой индивид Начальство на меня насаждает. Не знаете, кстати, почему? Что за повышенный интерес? Вы не представляете, сколько таких, как ваш Кульбитин, находят. И никто особо не парится. А тут, буквально, на ушах выстроились и стоим, такой шум. Иностранцев вокруг понатыкали, как ржавых гвоздей в доске. И все они с вашим Павлом Николаевичем в дружбе и согласии. Иностранец теперь нам друг, товарищ и брат. У нас ведь крайности. То через проволоку общаемся, то целоваться лезем, куда покажут. А они ведь тоже люди со своим интересом. Ваш подчиненный с ними дела вел. Кто в этом может разобраться, как не вы? Кто мне станет помогать? Раньше, как говорили. Дети – лучшие друзья чекистов. А вы – взрослый дядя, тем более должны понимать.

– Ну, знаете. – Запротестовал Плахов. – С моей стороны – максимальное содействие. Мы ведь не просто человека, прекрасного специалиста потеряли.

– Вот именно. Специалиста. – Подхватил Балабуев. – Ну, и чем он таким отличился, чтобы по голове кирпичом вознаграждение получить. Вот, знаем мы, он экспертизу заказывал.

– Первый раз слышу. Мы пока материал по экспедициям не разберем, никаких экспертиз.

– И по журналу можете проверить? Ведется у вас регистрация?

Пока Плахов доставал журнал, перелистывал страницы, Балабуев осматривался. – Чей это портрет. (Вообще то портретов было два.)

– Вот тот – Успенский Федор Иванович – крупнейшая фигура по истории Византии. В России и в мире. Вы *Историю Византийской империи* в руках держали?

– Не доводилось. – Скромно отвечал Балабуев. – А второй кто? В черной шапочке.

– Академик Борисов Владимир Алексеевич. Основатель нашего музея. Продолжатель дела Федора Ивановича.

– Смотри, как бородку подстриг. Клинышком. Старинная наука.

– Товарищ Сталин так не считал.

– Кто, извините?

– Сталин. Иосиф Виссарионович. Вызвал Владимира Алексеевича из ссылки, тот преподавал историю в Томском университете, и распорядился обновить исследования по истории Византии. При своей личной поддержке. Тогда и нас организовали. А было это в 1943 году.

– Во время войны?

– Вот именно. Потому, никакая она не старинная. Турки цацкались с нейтралитетом. Выжидали, кто кого. Только бы рыпнулись, мы бы им хвост защемили, припомнили и Константинополь, и проливы.

– Ого, игра шла. А я и не знал. Тут, оказывается, серьезная политика. Что же это вы? Нужно уважить товарища Генералиссимуса. По справедливости.

– Не положено в государственном учреждении. А разрешат, вывесим. Вот этот журнал. Как видите, никаких записей. С мая месяца.

– А разрешение вы должны давать?

– Нет. Он сам.

– Непорядок. Потому и слал под номерами. А какой результат, не знаете?

– Я вам сказал, под номерами.

– Алексей Григорьевич, разве я не понимаю. Под номерами. А вы все равно возьмите.

Номер X в сравнении с номером У.

– Не совпадают.

– Что не совпадают?

– Номер X с номером У.

– Вот видите. А что это нам дает?

– Ничего.

– Ничего – это тоже ответ. Пусть полежат... Кстати, был у вас этот Картошкин? Недавно только ушел? Что вы ему такое рассказывали, если не секрет?

– Про конференцию. Историю вопроса, если хотите.

– Так, может, вы и меня просветите. В общих чертах.

– Вот именно, в общих. Мы ведь многими проблемами занимаемся. А тут сошлось на Византии. Мы участвуем по программе ЮНЕСКО. Раскопки ведутся в Турции, в Греции, в Балканских странах. У нас ценные архивы сохранились. На раскопки приглашают регулярно. Грант дали. Так что интересы совпадают. И научные, и материальные.

– И что вы там накопили?

– С Константина все началось и на Константине закончилось. Спустя тысячу лет с хвостиком. Первый Константин – христианский император. Под влиянием своей матери Елены принял христианство. Лег спать, ему крест приснился. Проснулся, встал, и, осененный этим видением, победил.

– Нам бы так. А то снится, черт знает что. Знаете что, давайте с конца, иначе мы в это тысячелетие не скоро уложимся.

– То, что Константинополь взяли турки в 1453 году, вы, наверно, знаете. При этом погиб последний византийский император Константин XI Палеолог. Погиб с оружием в руках, защищая город. Редкий для нашего времени случай. Не сбежал, хоть ему предлагали. Съехал бы себе за границу, деньги в Венецию заранее перевел, там ведь уже банки были, чем не Швейцария с Кипром и Америкой, да и жил спокойно. Шансов на победу практически не было. Всего их было семь тысяч – защитников города. Пять – самих византийцев, и около двух тысяч прислали Генуя и Венеция. Притом, те были не в ладах друг с другом. А генуэзцы, которые по соседству с Константинополем жили в Гелате, через залив Золотой Рог, те вообще, туркам подыгрывали. У турок только регулярного войска было за двести тысяч. Ну и всех прочих, желающих поживиться, столько же. Вот и считайте. Правда, стены у города высокие, и дрались люди замечательно. На море и на суше. Притом, что у турок была сильная артиллерия, которая палила непрерывно. Чего только они не делали: и подкопы под стены вели, и флот по суше перетаскивали в залив Золотой Рог, чтобы сжать кольцо блокады. Два месяца осада шла, несколько штурмов выдержали. Все призывы султана к сдаче города отклонили, а султан (Мехмед II) обещал сохранность жизни и имущества. Не сдались. И судьба решающего штурма висела на волоске. Запаниковали генуэзцы, когда ранили их командира Джустиниано. Но и тогда положение можно было спасти. Окончательно решила дело трагическая случайность. Стены длинные, защищать почти некому. Калитку в стене забыли закрыть, через которую византийцы делали вылазки. Турки случайно ее обнаружили, проникли в город и зашли

с тыла. Константин с верными людьми бился до последнего. Его тело среди горы трупов опознали по сапогам с императорскими вензелями.

– Достойная смерть.

– Это точно. Мехмед, когда взял город, увидел золото и прочее добро, поразился, как же так с такими деньгами и не устояли.

– Всюду крайности. – Вздыхнул Валабуев. – У нас в мирное время страну ободрали, как липку, а там в войну не смогли воспользоваться.

– И там не просто. Общество классовое. Феодалная аристократия, ростовщики, банкиры – как пиявки. Потому город зачах еще до нашествия. Свои его же и погубили. Кто станет ремесленником и земледельцем трудиться, если все приобретенное достанется другим?

– Вы меня не агитируйте.

– Это не я. Это – цитата. Алексей Макремволит дословно – византийский деятель той поры. Кто станет?.. ну, и так далее... Корыстолюбие разложило империю еще до всяких турок. А Мехмед проявил уважение, поцеловал отрубленную голову императора, водрузил ее на местном форуме в честь победы, потом забальзамировал, приказал обложить золотом и серебром, возил и показывал по всему мусульманскому миру. А тело исчезло, по преданию, похитили его оставшиеся в живых ромеи и захоронили с подобающими почестями, а место этого захоронения неизвестно.

– Ромеи – кто это?

– Византийцы так себя называли, греки по происхождению.

– Сильная история.

– А если я скажу, Россия имеет права на Константинополь?

– Очень удивлюсь.

– Представьте себе. Детей у погибшего императора не было. Племянников разнесло по свету: в Венецию, в Рим к Папе, в самом Константинополе один оставался при султани. Тому, правда, не повезло. Султан его к себе в гарем определил служителем. Но перед этим, сами понимаете, что со служителями в таких местах делают...

– Что, действительно?

– Вот именно. Единственно, кто, говоря по нашему, сделал карьеру, внучатая племянница. Там она Зоей была, а у нас известна как Софья Палеолог. Фамилию родовую сохранила. Стала женой Ивана III. Трон византийских императоров у нас хранится, если сейчас не украли. Сами понимаете. И герб наш с двуглавым орлом оттуда. Одна голова в Европу, другая в Азию. И сам Иван III от константинопольского владычества не отказывался. Европа признавала, и Папа Римский. Об Америке тогда ничего известно не было.

– С теми только держись. Ну, хорошо, а теперь что делать? Сталин думал на этот счет, но разве он ответит.

– Сейчас это уже историческая наука. Не такая древняя, как вы думаете. Потому ездят, изучают. У тех же американцев специальный институт есть. Истории Византии. Мало ли что. А теперь, чтобы быть ближе к теме. В Византийской империи было много ересей. Империя стояла между Востоком и Западом. Тут вам и манихеи, и ариане.

– Кто такие?

– Бога по разному толковали, проблему добра и зла. Но сейчас не в этом суть. Если захотите, разберетесь. Вам манихеи должны быть ближе. По профессии. Они считали, зло правит миром.

– Прямо, как наш криминалитет. Неправильно вы нас понимаете, Алексей Григорьевич. Вы сейчас рассказ окончите, домой пойдете, мороженое по дороге купите. Не любите? Ну, ладно, это я так. Потом в командировку соберетесь, если деньги дадут. А я, как видите, сижу на месте и голову ломаю, чтобы ваши интересы оградить. Вот, благодаря вам, услышал интересный рассказ. И на том спасибо. У нас практика, а история дело прошлое.

– Константин даже Унию принял. Вернее, до него приняли. Он ведь всего четыре года правил, не успел развернуться. История времени не дала. А по поводу Унии страсти кипели.

– Это как?

– Уния? Согласились признать верховенство Папы. Но обряд оставили свой, византийский с тем, чтобы богослужение вести на греческом языке. Греко-католики по нашему. Между прочим, там и москвич постарался. Бывший митрополит Исидор, агитировал за Папу. Его в Москве за это в тюрьму заключили, он бежал, добрался до Рима. Папа его направил в Константинополь к Константину. Тот принял, надеялся, что Папа помощь пришлет. Папа обманул, а Исидор, нужно отметить, бился храбро, до конца, потом с каким-то дураком поменялся. Одежда, доспехи, тот и польстился. Ему турки сгоряча секир башка сделали, а Исидор спасся, плен прошел. Дрались все вместе, и католики, и униаты, и православные, но не устояли. А раскол был еще до того, как Унию приняли, часть раскольников на Русь ушла. Из рукописей это известно, кое-что сохранилось. Теперь они, сами понимаете, дорогого стоят. Потому и ездим, мы к ним, они к нам.

– Вы, извините, тоже собирались?

– Собираюсь.

– А теперь посудите сами. – Рассудительно заговорил Балабуев. – Что мне прикажете делать. Начальство меня спрашивает, как, Балабуев, продвигается расследование? А я отвечаю. Главный свидетель отбыл в теплые края и никакой возможности достать его оттуда не предвидится. А ты, Балабуев, знал? Знал... Что со мной после этого будет? И с вами, Алексей Григорьевич. Если мы до правды не докопаемся, то вы здесь не усидите, а я у себя не сохранюсь. Без документов в нашей работе нельзя, потому я вас повесткой к себе приглашу. А вы сами решайте. Или вы нам расписку даете, что из города ни ногой. Или, что обязуетесь сотрудничать для выполнения общего дела. Вместе будем расхлебывать.

– Я должен подумать. – Сухо отвечал Плахов.

– Конечно, подумайте. Сутки у вас есть.

Глава 10

Семен Иосифович Закс (по прозвищу *Киссинджер*) занимал пост советника по выработке нетрадиционных решений, или, если хотите, ноу хау. А почему бы и нет? Если есть нетрадиционная ориентация (то же ноу хау, в некотором смысле, хоть и очень давние), то должны быть и суждения, предполагающие дерзость и полет мысли. Семен Иосифович никогда начальником не был, на голубом экране не показывался. Все потому, что ум имел стратегический. Если есть более подходящее слово, пожалуйста, но здесь уместно именно *стратегический*. Председателей, заведующих и прочих ставило высокое начальство, следуя суровому правилу, маленький начальник не должен быть умнее большого начальника, а взамен ума должен быть ему предан душой и телом (не путать с секретаршей). О душе заговорили только сейчас, а в прежние времена было достаточно беззаветной преданности. Иногда добавляли совсем мрачно: до последней капли крови. Искания начинались потом, когда начальнику требовалось найти себе советника. Сюда требовались люди иного сорта. Хотелось иметь человека неглупого и даже (страшно подумать) умнее себя. Но чтобы без амбиций. Найти непросто, если не знать, где искать. Иван-царевич на такой должности не усидит, расправит крылья, да еще заклюет кормильца. Люди со способностями в советники не шли, им – хозяевам жизни, подавай простор, а с алкоголиков и дураков (прости Господи) и брать нечего, с этим начальство и само справлялось. Потому спроса на руководство большого не было, а на советников был. Ну, и где такие искать? Уже по интонации вопроса видно, где. Взгляд начальства неизбежно направлялся в сторону лиц особой национальности. Так было раньше, скажет въедливый читатель, теперь не так. Но жизненный путь Семена Иосифовича как раз пришелся на время, которое и было раньше, где джигит или участник родео вылетал из седла, придерживая шляпу, и хорошо еще, если спасался. Правда, Семен Иосифович, если сравнить, держался на простом стуле (мягких кресел он из скромности себе не разрешал), и спасибо, что позволили ему приносить пользу обществу и собственной семье.

Семен Иосифович был невысок, седовлас, припадал на простреленную в боях ногу. Почти (представим себе) без высшего образования. Недоучился перед армией, а после продолжить образование не захотел. Давала себя знать контузия головы, доставлявшая Семену Иосифовичу большие страдания, но и служившая (очень возможно) генератором многих ценных идей. И вмятина была, прикрытая буйной седой шевелюрой. Когда голова начинала болеть, Семен Иосифович заводил в эту вмятину палец, начинал массировать (что-то он там для себя находил), и дай Бог, чтобы нам всем приходили в здоровую, без вмятин голову такие необычайные мысли. Потому, в ответ на восторг очевидцев, Семен Иосифович только отмахивался: – Ай, ничего особенного. Взрывной волной звнесло.

Идей было много и все захватывающие. Уже в наши времена Семен Иосифович смог вернуться. Он предложил вызвать соседний район на соревнование по церковному строительству, причем искренне радел за православие, полагая, что с мечетями и синагогами разберутся и без него. По этой причине район за один только год сдал в эксплуатацию три храма, пять часовен (две сверх плана) и по итогам соревнования занял первое место. Сам Семен Иосифович скромно стоял в стороне, когда Патриарх приехал награждать особо отличившихся. Говорили, что Семен Иосифович принимал участие в подготовке чуда. Пред светлые очи Владыки выставили тело усопшего кровельщика, свалившегося из-под купола новостройки. Уже тяжелый дух пошел (Семен Иосифович лично проследил), но Святейший окропил усопшего, тот встал, размотал погребальные пелены, надел оранжевую каску (утверждали потом, не каску, а нимб), и полез на леса. Чудо это подробно описано в церковном *Вестнике*, желающие могут подробно ознакомиться, а скептиков все равно не убедить (благо, немного их осталось в нашей истинно верующей стране).

Одно благородное начинание Семен Иосифович провел для ветеранов. А как иначе? Теперь вместе с удостоверением и грамотой им вручали пропуск на бесплатное посещение городских туалетов. Именно пропуск, а не абонемент на ограниченное число посещений, как настаивали владельцы (собственники) этих полезных заведений. С ними Семен Иосифович договаривался отдельно и успешно (коммерческая тайна) и даже пробил заем у какого-то иностранного банка на очень выгодных для нас условиях.

Это еще что! Мелочь. Неумное воображение Семена Иосифовича питали идеи куда более грандиозные. Свободная мысль (а именно такова она была у Семена Иосифовича) не терпела ограничений, бурлила, выходила из берегов. Не знала пределов. Там где ленивый обывательский ум довольствуется мелочными подсчетами, восторженное воображение Семена Иосифовича (соединение природных способностей с последствиями контузии), заглядывало вдаль, за окрашенный восходом (или закатом) горизонт, где, подобно прозрениям Заратустры, открывались новые страны и целые континенты духа. Немудрено, что Семен Иосифович размышлялся сотворить новую религию. Подобно чудесам и свидетельствам, открывавшим запретные пути древним народам, здесь толчком к просветлению послужило телевидение. Признаться, хотя бы себе, далеко не каждый способен распорядиться полученной информацией, не подпасть под ее влияние, а, овладев, подмяв, так сказать, под себя (не будем бояться здесь этих слов), сделать поистине реформаторские открытия. Вспомним, как растерянно (впрочем, кто как) наблюдали мы за уроками, достойными Диснейлэнда и преподанными Господином президентом (живым человеком, не без слабостей, как оказалось) юной стажерке в задней комнате имперской резиденции, в алтаре Храма государственности, пред которым толпы взволнованных до потоотделения экскурсантов воочию убеждаются в торжестве освященной законами добродетели. Легкое потрясение умов, которое вызвали тайны этой комнаты (со временем здесь протянется экскурсионная тропа), не коснулось Семена Иосифовича, а послужило толчком для возрождения древнего культа извлечения плодоносной струи из самих недр символа эпохи (и ее ритуального пролития на девственные одежды). Разве в древнем Риме – прообразе имперского величия было не так?

Семен Иосифович замахнулся, не шутя. Отдельно выдвигалась мысль помещения в *Музей мадам Тюссо* (слово *мадам* здесь очень уместно) композиции с возложением рук застывшего божества на голову коленопреклоненной, погруженной в тайны приобщения девы. А пока план внедрения идеи (как символ дружбы между народами) обсуждался лишь начерно – выбором *accessoires* (приспущенных одежд, листков фиги) и образов, сменивших бездуховный материализм.

Таких добрых дел за Семеном Иосифовичем числилось немало. Что и говорить, время для предприимчивых людей настало замечательное. А очень важный человек, можно сказать, спаситель Отечества, которому Семен Иосифович подкинул очередную мысль (мы к ней еще вернемся), высказался так. «Не важно, за что схватить, если есть за что держаться.» Мысль эта, переведенная на латынь (хоть и на санскрит не мешало бы), и используемая по самому разному назначению (в частности, для подведения итогов экономических реформ), украсила сборник афоризмов новейшего времени и вызвала много ученых и личных толкований, а Семен Иосифович только вздохнул. Он знал жизнь, и потому был человек грустный.

Несмотря на постоянную занятость, Семен Иосифович был совсем не бюрократ. Это нужно отметить. Видно, ему нравится работа с людьми, и в этой работе он черпает собственное вдохновение. Попасть к нему для человека с идеями труда не составляло. Так что Леня Шварц пришел по нужному адресу.

– Кульбитина помню. Он консультировал один наш проект.

Проект этот касался южных областей страны (речь о нем впереди), но переговоры велись кулуарно, и совсем не тот человек был Семен Иосифович, чтобы проболтаться.

– У нас интересовались. – Разъяснил он, а сам запустил палец в голову и стал тереть. – На совещание приглашали, не пришел.

– Может, у него документы? – догадался Шварц. – Спецслужбы? С ними как?

– Если что-то найдете, только тогда.

– А не опоздаем? Там иностранцев полно.

– Я человек государственный. – Вдохнул умудренный жизнью Семен Иосифович – Сами решайте. Но чем больше шума... Я там... Мы тут... – Прибеднялся Семен Иосифович. – Поглядим. А будете нуждаться в дополнительной информации, спрашивайте.

– А какого вы мнения об этом Кульбитине?

Семен Иосифович поскреб вмятину: – Может, случайность. Шел человек, нарвался на хулиганов. Ну, а если нет? Тогда что? Умышленное. С какой целью? А таких целей три. Любовь, деньги, власть.

– Пьянство...

– Наш вклад в криминалистику. – Семен Иосифович вздохнул. – Выпили, разбудили инстинкты, озверели. Нет, если умысел искать, алкоголь не годится. Здесь холодная голова нужна. Что я вам рассказываю, когда вы лучше знаете...

– Знаю. – Леня и сам стал огорчаться. Печаль Семена Иосифовича, как летучий вирус, передалась и ему. – Если сразу преступление не раскроешь, по горячим следам, то и перспектива уменьшается со временем.

– Ну, это вы рано загрузили. Вот этот ко мне приходил, – Закс достал визитку, водрузил на нос очки, – Картошкин Федор. Активнейший человек. Знаете его?

– Репортер из криминальной хроники.

– Вот-вот. Готов на любое сотрудничество. Только давай.

– По поводу нашего дела?

– Любого. В общем, будет нужна помощь, обращайтесь. Руководство поддержит. Я бы и сам, по стариковски. Хоть я человек маленький. – И Семен Иосифович скорбно вздохнул.

Глава 11

Когда сыщики встретились снова, Балабуев позволил себе пожаловаться на жизнь, чего с подчиненными делать не полагается.

– Ну что? – Спрашивал Балабуев Шварца. – Что этот Закс?

– Кульбитин его консультирует, как историк. Позвонили домой, узнали, перезвонили нам.

– Что-то этот Закс знает. Но молчит.

– И будет молчать. Хитрющий старик. А к остальным не подступишься.

– Кого-то этот Кульбитин принимал. Через черный ход, впустил и так же выпустил. Иначе чего ему так долго сидеть. Работы особой не было, конференция закончилась. Шел бы домой. А он больше двух часов пересидел. – Размышлял Балабуев.

– Тут вот еще. Я Щеглова поставил проследить. Парень тертый, за корреспондентами иностранными ходил. Он за англичанкой часа три по городу таскался. Никаких контактов, осмотр достопримечательностей. А мне говорит, сколько этих островитян пасу, а такого не видел. В церковь она пошла.

– Ну и что?

– Православная церковь, что ей там делать.

– Поглядеть.

– Это вы Щеглова не знаете. Он все высмотрел. Свечку поставила. У иконы... Вроде как за невинно убиенных.

– Хм. Что еще?

– Перекрестилась по нашему, по православному.

– Ну, глаз орлиный. И что теперь с ней делать?

– В том и дело, что ничего. И допросить нельзя. С нас же голову снимут.

– А что, если мы Картошкина на нее запустим. Пусть раскроется.

– Похоже, есть смысл. Ты голос его в милиции списал? Вот мы его и прикрутим. Будет знать, как с милицией шуточки шутить. С остальными как?

– Грек уехал, француз не торопится, подходил к геям. Наши уточнили. Гей клуб искал.

– Ладно, пусть празднует. Я тебе объективки зачитаю. Эта англичанка. Бессменный руководитель экспедиции. Диплом Оксфорда. Там же диссертация. В Москве шестой раз. Работает в архивах. Характеризуется сугубо положительно. Подозрительные связи и контакты не установлены.

Теперь, грек. Университет в Салониках. Профессор археологии, античного мира и мудае... что они тут понаписывали.

– Дайте мне. Медиевистики. Это – средневековая история.

– Всё ты знаешь... – Недовольно пробурчал Балабуев. – Так бы и писали. Блин. Средневековая... В общем, оттуда он. Копают в Греции. Тоже на конференцию пожаловал. У всех научные труды. К истории изучения гробницы Александра Македонского... Видишь как. Я говорил, что похож.

– Кто на кого?

– Грек на этого Александра. Я так Плахову и говорил.

– А вы его знали?

– Кого?

– Македонского.

– Ты, Леня, – опасный тип, готов подначить начальство. – Возмутился Балабуев. – А начальство этого не любит. Ну и третий. Француз. Преподаватель Лионского университета. Постоянный участник раскопок. Нетрадиционная ориентация. Под вопросом.

– Видно, готовили вербовку.

– Кому это теперь нужно. В общем, ничего. Не с чем на доклад идти. Теперь эта парочка. Берестовы. Иван Михайлович в больнице. И дочь. Эта не могла убить. Вряд ли. Кондиции не позволяют.

Ну, Леня, что скажешь? Повесили на нас шинель товарища Буденного. А она не застегивается.

– Почему это – шинель?

– Потому что серая, хоть все глаза прогляди. Как думаешь, выпускать этого Плахова в Турцию?

– Хотелось бы англичанку пощупать и француза, пока они здесь. Но начнем жать, испортим отношения. Если есть к этой истории интерес, спугнем. Больше они к нам ни ногой. Значит, нужно и Плахова отпускать. Чтобы никаких подозрений. Плахову так и скажем. Чистый, как голубь мира. Лети, неси пальмовую ветвь.

– Откуда ты, Леня, такой умный. Тебе бы в банке работать, в отделе исчезновения кредитов. А ты здесь. Скажи, какой интерес?

– А ваш какой?

– Ну, я. – Балабуев как-то безнадежно махнул рукой.

– И я вроде того. Хоть за будущее не поручусь Пора нам Картошкина брать.

– Подумай, как его пугануть, чтобы проявил сознательность. А я пока оформлю задержание.

– Так мы же решили по хорошему...

– И я про это. По хорошему. Бумагу сразу оформим. Пусть лежит. Чтобы потом с этим *курьером* не заедаться. Такая рыба, нужно знать, как подсесть, когда тащить. Не сорвется.

Шварц рассмеялся.

– Ты чего?

– Нам бы дело Кульбитина раскрыть. А мы Федю выловим.

– Ничего. Пусть подсохнет на солнышке. Будет знать, как милицию за нос водить. И польза от него может оказаться.

Глава 12

В те же дни у Картошкина состоялся разговор с главным редактором газеты *Криминальный курьер*.

– Федя, дорогой, ты учти. Мы – коммерческое издание. Что заработаем, то и скушаем. Ты по образованию кто, напосми? Историк? Все равно, не увлекайся. Мне твои новости нужны, сегодня газету заполнить, а не упираться во имя героического прошлого. Если совпадут, очень хорошо, а нет, я переживу. Вчера бардак накрыли. А ты где был?

– Так, в каждом номере.

– Ничего, читатель любит. Не силос на зиму заготавливать. Феликс бегаёт, где Картошкин, а тебя нет.

– Пусть бы сам и ехал.

– Чтобы камеру разбили. Нет уж. И пресс-конференцию ты пропустил. Хищения на водоканале. Я Титову отправил. Но Титова разве разберётся. Замужняя женщина, ребенок. Ей бы в *Практичной домохозяйке* работать. Муж приходил. Требуёт, секс ей не давать. Свои проблемы у мужика. А она как раз не против. Ну, что мне делать? Со всех сторон только и слышишь. Где Картошкин?

– В Управление я бы съездил. Там этот Закс. Интересная фигура.

– Основной игрок?

– Играют другие, он тренирует.

– Хорошо, съездишь, что у тебя?

– Убийство музейного работника. Вечером, на улице. Без ограбления. Портфель забрали, потом подбросили. Менты этим занимаются.

– А ты, значит, помогаешь.

– Обижаете. Они не догадываются. Но лучшие их люди. Балабуева я знаю. Дурачком прикидывается, а сам только и ждёт, за горло схватить. Я с музейными девчатами на поминках познакомился...

– На чьих это поминках?

– Вот этого убитого. Кульбитин по фамилии.

– Мы тебя ищем, а ты на поминках жируешь?

– Материал может быть. Я с начальником этого Кульбитина разговор имел. У них, кстати, конференция недавно была. По результатам раскопок. И у нас, и в Турции. Иностранцы съезжались. Думал о деле поговорить.

– Чего не поговорил?

– Поговорил. Не на ту тему. Балабуев этот музей по самую крышу обложил.

– Тогда не связывайся.

– Кое-что я успел. – Поскромничал Картошкин. – По убийству Плахов говорить отказывается. А вот на историческую тему стодится.

– Ладно, пойдёт в номер. Очень кстати. А то одну чернуху гоним. Готовь.

– А я уже приготовил.

– Ишь ты, – восхитился редактор. А ну, покажи. Или прочти сам.

Картошкин прокашлялся и стал читать.

Статья касается давней истории и удачно разбавляет сюжеты *Криминального курьера*, посвященные современным безобразиям.

(Картошкин взял паузу. Редактор подумал, поморщился, опять подумал, но ничего не сказал. Картошкин продолжил).

Недавно в нашем городе проходила представительная конференция, посвященная истории Византии. В работе приняли участие ведущие специалисты ряда стран и международных

организаций. Наш собственный корреспондент Федор Картошкин встречался с участниками конференции и неожиданно оказался захвачен историей Византии, закончившей свое существование более 500 лет назад падением Константинополя. Проблема продолжает волновать умы ученых и многих наших соотечественников. Ведь с Византией мы связаны общими корнями православия и культуры, недаром Москва была объявлена *Третьим Римом* – прямой приемницей погибшей Империи. Кто-то скажет, всё это было слишком давно. Но история прорастает в современность через длинные цепочки человеческих биографий, и, кто знает, как те, казалось бы, навсегда завершённые судьбы, отзываются в нас самих. *Курьер* надеется неоднократно возвращаться к этой теме.

(Картошкин замолчал. Редактор кивнул, и чтение продолжилось).

Константинополь пал в мае 1453 года под напором многократно превосходящей армии турок-османов. Последний император Константин XI Палеолог погиб в сражении, защитники и жители города были перебиты или угнаны в рабство. Закончилась эпоха Византии – Второго Рима, длившаяся более тысячи лет.

С начала пятнадцатого века владения империи постепенно отвоевывались и поглощались турками, пока их клещи не сомкнулись вокруг Константинополя. Сил для отражения нашествия не хватало, вся надежда была на помощь извне, византийцы лихорадочно искали союзников. Византийцы (ромей) были православным народом, но Русь была далеко, и недостаточно сильна. Взгляды греков были обращены в другую сторону христианского мира – к Риму. Но раскол церквей на западное и восточное христианство делал невозможным их союз. К тому же латиняне (так звали здесь приверженцев папской власти) уже побывали в Константинополе, захватили город во время Крестового похода 1204 года и причинили ему (почти за полвека хозяйничанья) множество разрушений. Недобрая память о том времени сохранилась. У византийцев были причины не доверять латинцам, но они остро нуждались в помощи. Выбора не было. Папа требовал от византийцев подчинения духовному авторитету Рима, а взамен обещал призвать к крестовому походу свое воинство. Император Иоанн VIII согласился принять Унию – так называлось соглашение, по которому греческая церковь признавала власть Рима при соблюдении прежнего обряда и греческого языка богослужения. Так в Византии и восточных областях Средиземноморья родилась новая церковь – Греко-католическая. Взамен Папа обещал взять под свое покровительство и обеспечить защитой вверившиеся ему народы. Забегая вперед, скажем, слово свое он не сдержал.

А в самой Византии присоединение к Унии (в 1439 году) вызвало гневные протесты и брожения. Сам император Иоанн рассматривал союз, как политический, и стремился всеми силами сохранить духовную независимость. Он отказался выдать Риму Святителя Марка Эфесского – непреклонного защитника православия и не принял патриарха, назначенного Римом. Но с волей Папы приходилось считаться. В такой трудной обстановке вступил на трон последний император Византии Константин.

Сохранилась легенда, что падение империи было предсказано неким Феофаном – одним из самых именитых и богатых граждан Константинополя. Ему с женой было чудесное знамение, после которого раздали имущество, взялись проповедовать и получили имя *непримиримых* за решительное отстаивание православной веры. Особо доставалось в этих проповедях Императору за то, что старался наладить союз с Римом. Тот приказал схватить Феофана и допросил в присутствии Папского посланника Исидора. Этот Исидор, будучи Патриархом Московским, высказал приверженность униатству, был лишен сана и посажен в тюрьму, откуда бежал и объявился в Риме. И был направлен Папой в Константинополь послом. – А как ты представляешь? – спрашивал Император Феофана. – Когда сила магометан многократно нас превосходит. И можем надеяться только на союз с единоверцами. И должны забыть раздоры.

– С Божьей помощью выстоим. А будешь искать заступничества земного и несправедного – пропадет город.

– Я – Император должен на силу рассчитывать. А ты предлагаешь уступить.

– Это ты уступаешь. Говорю, не жди спасения. Пропадешь и ты, и город твой. Потому что изменил вере. А без веры и стены не помогут.

В присутствии папского посла Император должен был осудить смутьяна, и так выразить преданность Папе в надежде на будущую помощь. Потому приказал он Феофана упрятать в тюрьму навечно. Тот принял испытание спокойно, предсказал, что жить городу осталось недолго, и он непременно падет.

Вскоре Феофан умер, а разгневанный Константин приказал схватить сеятелей смуты. Несколько десятков их, включая беременную жену Феофана, бежали из города, добрались до Руси, приняли монашество и засвидетельствовали слова Феофана. Что было именно так, узнаем из рукописей, сохранившихся в русских монастырях. То же подтверждают сведения доклада Исидора Папе. И совсем достоверно известно, как один из самых значительных фактов мировой истории, что Константинополь пал, как и было предсказано Феофаном.

Еще перед началом осады были знамения, что город непременно падет. Было затмение луны, и неслыханный дождь с градом, смывший целые улицы. Было падение иконы Пресвятой Богородицы во время крестного хода. Казалось, Божий гнев обрушился на Константинополь. Из-под купола Святой Софии вырвались языки пламени, и люди видели, как ангелы покидают обреченный город. Потому Императору предлагали бежать или отдаться во власть турок в обмен на сохранение жизни и имущества. Но Император и его воины предпочли сражаться, но не утратить честь.

А что у нас? История Константина известна, и известна судьба давнего пророчества Феофана. Сохранились свидетельства. Но не только. Упоминается также, что жена Феофана, бежавшая, будучи беременной, здесь на Руси родила дочь. И про дочь известно, что выросла, вышла замуж, родила детей. Так что род продолжился на русской земле... Наша газета ведет дальнейшее расследование этой удивительной истории...

Картошкин закончил чтение. Редактор хлопнул рукой по столу в знак одобрения. – Ладно, Картошкин. Если что найдешь, твоя правда. Мы под тебя рубрику организуем.

Как раз из факса поползла лента. Редактор подхватил на ходу.

– Что у нас сегодня? Опять блядюшник накрыли. Еще две аварии. Убийства по пьянке. Тут, как водится. Бомжа нашли в канализации, выясняют. Вот, убийство в гей клубе. Это, пожалуй, поинтереснее. Пьер Мустафа Кудум. Алжирец, что ли?

– А, а... – Заинтересовался Картошкин. – Я его знаю.

– Тоже посещаешь?

– Исключительно по служебной надобности.

– В Сан-Франциско епископы также, по служебной надобности.

– Я не епископ.

– Знаю, Федя. У них своя служба, у нас своя. Ну, иди, трудись.

Глава 13

В отличие от общения с сотрудниками, с тем же самым Шварцем, в делах официальных Сергей Сидорович Балабуев был педантичен и сух. Плахов здесь не в счет. Его – свидетеля нужно было подготовить, размягчить, разговорить, в конце концов. Сотрудничество, конечно, не самое лучшее слово, и наши граждане (по крайней мере, некоторые) противятся самым искренним намерениям найти преступника, подозревая у следствия зловещий умысел, облегчить себе жизнь и наказать невиновного. Таковы примеры из давних времен (хоть и не только), но память о них жива и не способствует успеху в работе. Плахов, например, от общения со следователем не отказывался, отвечал прямо, но за этой открытостью сметливый Балабуев ощущал протест, противодействие в ущерб общим интересам, раскрытию истины. Интеллигент, – думал по этому поводу Балабуев, не находя для своих подозрений ничего более определенного. Этим все сказано, потому что поправка на интеллигентность никогда не выглядела в глазах следователя отдельным достоинством (как, впрочем, у всех, кто стремится к точности смысла, заложенного в этом слове).

Но когда доказательств хватало, и улики материализовались в форму, достаточную для вынесения обвинительного заключения, Балабуев становился торжественен и официален. В том была честь его мундира, а мундир, как известно, не терпит умаления и игривого отношения. Надел – носи, снял – отряхни и повесь на вешалку.

Потому на вопрос Картошкина: по какому праву... вот так прямо на улице... среди бела дня... я протестую... и прочего лепета, Балабуев отвечал:

– Нет, гражданин Картошкин Федор Леонидович, повесткой мы вас вызывать не хотели. Ввиду серьезности обвинения, мы вас задержали. Если бы к вам на квартиру пришли наши сотрудники, и вывели вас на глазах соседей, лучше бы вам не стало. Для репутации, сами понимаете. Так что цените. Не забудьте принять во внимание. Будете сотрудничать, свою участь облегчите.

Картошкин протестовал голосом и всем возмущенным видом.

– Вы обвиняетесь, – бесстрастно тянул Балабуев, – в убийстве гражданина Кульбитина Павла Николаевича такого то числа и года. Что можете сказать по этому поводу?

– Не убивал. – Гневно возражал Картошкин. – Дичь какая-то. Бред...

– Вы узнаете голос? – Балабуев нажал кнопку магнитофона. Человек сообщил, что во время прогулки с собакой он обнаружил тело неизвестного. – Ваш это голос?

– Мой. – С вызовом отвечал Картошкин.

– Хорошо, что признаете. Но экспертизу мы в любом случае проведем. Для суда. А прямо сейчас, как можете пояснить?

– Я – репортер криминальной хроники. Домой мне позвонил дворник по имени Рустам.

– Пожалуйста, более точно об этом Рустаме. Это в ваших интересах.

– Я – репортер криминальной хроники...

– Это я слышал...

– В городе разного рода контакты... знают по работе... и вот этот Рустам. Дворник. Нашел тело Кульбитина. И мне позвонил.

– Вам позвонил? Не в милицию, не в скорую помощь, а вам?

– Он откуда-то... таджик, кажется, работает без разрешения, говорит по русски плохо. Боялся, начнут его опрашивать, а он... сами понимаете. Вот он мне и позвонил. Вы найдите, он обязательно подтвердит.

– Найдем. – Пообещал Волобуев. – А пока придется у нас переночевать. Ознакомьтесь заодно, как живут наши подопечные. Вам должно быть близко. Вы ведь репортер криминальной хроники?

– Да. – Упавшим голосом подтвердил Картошкин. – А если под подписку? Я же... прямо тут... прямо сейчас...

– Категорически исключается. Сами понимаете, почему. Чтобы не оказать влияние на ход расследования. Вот если добровольное признание... в неумышленном... поспорили о смысле жизни... тогда... и то...

– Не убивал. И никакого отношения не имею.

– Положим, имеете. Сами признали. Но ничего. Посидите, познакомитесь с людьми, может, материал какой соберете. А то в древнюю историю ударились. Византия... Константинополь... Военных тем и у нас хватает. А уж любовных... В лагере сами убедитесь. Может, и вас полюбят...

– Я категорически протестую...

– Ладно, ладно. Еще не один разговор будет. Тогда и напролетуетесь. И адвоката пригласите. А пока зачем? Может, и так выйдет по вашему. Мы ведь не за статистикой гонимся (хоть и за ней, конечно), нам нужно преступника обнаружить и изловить. Чтобы понес неотвратимое наказание... Протокол подпишите... С ваших слов записано. Виновным себя не признает. Сейчас я дежурного вызову, он вас определит на место.

И Картошкина увели.

Но и это еще не все. Балабуев потер подбородок (была у него такая привычка для размышлений), достал телефонную книжку и набрал номер. – Слушай, Иван Силыч, – чувствовалось, знакомы эти люди давно и дружески, – мне нужно таджика одного у тебя пристроить. Дворником, а то кем же. Хороший парень, глазастый. А мне дай русского. Условия мы создадим. Им что, не все равно, где тротуар мести. Только срочно. Сегодня на сегодня.

– Ловко это вы, Сергей Сидорович. – Напомнил о себе Шварц.

– Не хочет милицию уважать, значит, будем учить...

На следующий день следы добродушия с лица Балабуева бесследно испарились, как последние капли дождя с разогретого солнцем камня. И смотрел следователь на Картошкина по настоящему строго. Не скрывая. В углу невеселого кабинета, чтобы не мешать разговору, заложив ногу за ногу, сидел Шварц.

Но Балабуеву помешать никто не мог. Не тот это был человек. – Что же вы, гражданин Картошкин, вводите следствие в заблуждение. Говорили о каком-то Рустаме. Дворнике. Который якобы вызвал вас из дома.

– И сейчас могу повторить. – С вызовом отвечал одуревший от бессонной ночи Картошкин.

– Ясно, можете. Только нет никакого Рустама. Таджиков много, но живут они по другим адресам. В горах и оазисах. А по известному адресу никакого таджика Рустама нет.

– Да как же. Да я же сам... – Протестовал Картошкин.

– Вот официальная справка из жилуправы. Участок, где нашли тело Кульбитина, обслуживает Силаев Николай Иванович. Никакой он не таджик. У него даже тубетейки нет. Русский. Мы его, конечно, вызовем и показания возьмем, вас он, нужно полагать, не знает. А теперь вопрос: как и с какой целью вы оказались на месте убийства гражданина Кульбитина? Советую говорить правду. Вам зачтется. А не рассказывать нам про какую-то собачку.

– Причем здесь собачка. – Вскричал в отчаянии Картошкин, ощущая, как земля уходит из-под ног.

– Вот и я говорю. Причем здесь собачка. Вы правду собираетесь говорить? Или нет? Последний шанс у вас – чистосердечное признание. Сразу легче станет.

Все это время Балабуев кружил вокруг несчастного Картошкина, заходя то сбоку, то со спины, и даже наклонялся, вкладывая слова прямо в ухо.

– Послушайте, я правду говорю. Вызвал меня дворник Рустам...

– Про дворника я уже слышал...

– И еще раз повторю...

– Только не мне, а присяжным. И про Рустама, и про собачку... А прокурор изложит факты. Что оказались вы на месте преступления как раз во время убийства по непонятной для любого нормального человека причине. Кроме того, вы еще и на поминках Кульбитина отметились. А это как? Это и на Сицилии не видано, чтобы киллеры на поминки своих жертв являлись... Может ты слышал, Леонид Германович?

Шварц подтвердил, что не слышал.

– Хоть бы вдовьих слез постыдились. – Обличал Балабуев. – Деталь для вашего облика... Интересовались древней историей, предметом исследований этого Кульбитина. Значит, знакомы были.

– Не был...

– Были, были, от того и поминки. Или просто проголодались и перекусить зашли? Дверь была открыта... Кто поверит? А вы им – присяжным расскажете про Рустама, и про собачку. Сколько это по статье за умышленное? – Обратился Балабуев к молчаливому Шварцу.

– Двенадцать лет, как минимум. Если без отягчающих.

– Пусть, без отягчающих. Мы – люди добрые. Зовите адвоката. Хоть сейчас. Может, он что надумает. А я вам по доброму подскажу, явку с повинной. Встретились, разругались, ну, а дальше... С кем не бывает... Может, вы и не хотели. Он первый начал. Так, ведь? Не хотели? А за это...

– Пятеркой может отделаться. – Подсказал Шварц. – Если по умному...

– Видите. Тут вам адвокат и пригодится. Характеристика с места работы. Вы ведь не привлекались? Мама больная...

– Почему больная? – Сквозь горе удивился Картошкин.

– Значит, здоровая. Еще лучше. Для нее. Для вас – хуже. У нас жалеть любят. А так на суд придет. Сядет, ручки на коленках сложит... слезы... сыночек... платочек... В брюках, говорят, нельзя... адвокат подскажет, как одеться... и все такое... Присяжные сами живые люди... Подписывайте, пока не поздно.

– Не подпишу. – Собрал силы Картошкин. – Делайте, что хотите, не подпишу. Не убивал.

– Ну, что ж. Вам не надо, а нам тем более. Так и запишем. С материалами следствия ознакомлен. Вины своей не признает. Следствие закончено, дело передается в суд. – И Балабуев стал заполнять бумаги. Чувствовал он себя хорошо (не то, что несчастный Картошкин), и даже голову склонил на бок от усердия.

– Ну, допустим, Картошкин. – Вступил молчаливый Шварц. – Вот вы – репортер криминальной хроники. Вроде бы, должны понимать. Как вы сами объясняете... если не вы, то кто? Ведь ясно, есть у вас интерес к этой истории. Из-за которой вы сейчас на нары собрались.

Нужно отдать должное, репортерская хватка брала свое, и поникший Картошкин ожил. – Я хотел для журналистского расследования. Думал, что-то есть. Потому интересовался. Но не убивал...

– Это мы слышали. – Подал голос Балабуев.

– А вчера еще одного убили. Из этой компании. В гей клубе... – Встрепенулся Картошкин.

– Не убили. А доставили в больницу в бессознательном состоянии, результатом черепно-мозговой травмы. Это ваши информаторы поспешили. Чуть что, сразу убийство.

– Иностранцами мы не занимаемся. – Вставил Балабуев, не отрываясь от писанины.

– Факт прискорбный. – Вел своё Шварц. – Для этой публики (извините, что я так говорю) специальная полиция нужна. Не поделили предмет страсти нежной. Но это, знаете, литература для ваших расследований. А у нас дело конкретное. Улики против вас достаточны. Сами должны понимать. Хоть, если бы удалось доказать, тогда, возможно... дела объединить. Но мы свое закрыли.

- Как это закрыли? – Встрепенулся Картошкин.
- Нашли и изобличили преступника.
- Вас, то есть, гражданин Картошкин. – Уточнил Балабуев.
- А дальше пусть суд решает. – Закончил Шварц.
- Я не убивал. – Бился в отчаянии Картошкин.
- Ладно, мы формалисты. Защищаем закон. Нам иначе нельзя. А чтобы вы стали делать? Ведь молодость спасать нужно.
- Я бы продолжил расследование. – Твердо сказал Картошкин.
- Какое расследование. – Балабуев, не отрываясь от бумаг, возмутился, но теперь солировал Шварц.
- Смотрите, Картошкин, как выходит. Вот закроют вас сейчас годиков на восемь...
- Десять, как минимум. – Поправил Балабуев.
- Восемь-десять, человек ко всему привыкает. Может, полюбите кого, так и выходить не захотите. А для нас главное, дело с концом. Улик достаточно. А если отпустим, тогда что?... дальше искать... шансы, сами понимаете... Когда не вы, то кто? А вы возьмете и сбежите. Что тогда? Как бы вы поступили на нашем месте?
- Я буду искать. Пока не найду.
- Леонид Германович. – Мягко упрекнул Балабуев. – Что ты начинаешь. Сам ведь слышал (кивок в сторону Картошкина). Невиновен он.
- Слышал. Знаете, Сергей Сидорович, пусть он пока в коридоре погуляет.
- Вызвали дежурного, отправили Картошкина в коридор за плотно закрытую дверь. Минут десять понадобилось. Шварц все так же безучастно сидел в углу, Балабуев распоряжался.
- Ознакомьтесь с протоколом. Распишитесь. Обвинительное заключение. Вот здесь. Статья позволяет в исключительных случаях оставить обвиняемого на свободе под подписку о невыезде. И здесь распишитесь. Фамилию полностью. Найдете что-то новое, вновь откроем дело, а пока оснований нет. Вот этого человека благодарите. Леонида Германовича Шварца.
- Значит, так. – Наставлял Шварц, пока бледный и измученный Картошкин поспешно подписывал бумаги. – Дальше конечной станции метро не отлучаться категорически. Ночевать обязательно дома. Иначе, сами понимаете. Вот мой служебный телефон. Раз в три дня будете звонить. Если звонка не услышу, место ваше готово.
- И учти, Картошкин. – Добавил Балабуев. – Дело твое вот здесь, в сейфе. Через две недели плановый отчет. Прокурор спросит, почему в суд не передаете? Догадайся, что я ему отвечу.
- А пока, вот, благодари, – Балабуев показал на Шварца, – это у него сомнения в твою пользу, у меня сомнений нет.
- И у меня нет. Пока нет. – Сказал добрый Шварц. – Но вы, Картошкин, в каком-то смысле наш коллега. А значит, имеете право на лишний шанс. Вот мой телефон... в любое время... Хочу спросить, как вы себе представляли ход вашего журналистского расследования. И что думаете делать дальше?
- Музей. – Почти прошептал обессиленный Картошкин. – Стану разговаривать. Нужно их между собой связать.
- Ну что ж. – Согласился Шварц. – Пожалуй, вам удобнее. Под видом интервью. Но никакой самодеятельности. И всяких нелепых идей. А то ведь пойдете в розыск, на каждом столбе фотографии будут висеть. А пока, Сергей Сидорович, выпишите ему пропуск и пусть идет.
- Балабуев хмыкнул недовольно, но бумагу подписал. – Сержант проводит до выхода.
- А если что. – Засобирался обрадованный Картошкин. – Как мне представиться.
- Как всегда. Мужчина с собачкой.
- И Картошкина отпустили на свободу.

– А что с англичанкой? – Задавал Балабуев вопрос. – Не привлечешь, не вызовешь. Явится с посольским юристом, потом неприятностей не оберешься...

– Но крестится она по нашему. По православному. – Напомнил Шварц.

– Ну и что? – Разъярился Балабуев. – Ты думаешь, Леня, одному тебе это интересно. Но ты мне скажи, с какой стороны это к Кульбитину пришить. А они только и ждут, чтобы вой поднять. И Плахова придется выпускать... Оснований для задержания нет. Пусть Федя с ними поговорит. У него свои методы и доверия к нему больше. Малый он борзый. Чувствую, влезли мы в историю. Генерал звонил, разберитесь, как следует, не торопясь. С чего это они все на уши встали? А мы... На шуку забрасывали, а вытащили Картошкина. Хоть он сам пришел. Ладно, пусть побегает, если вызвался.

Глава 14

Пока следователи работают, срезая пласты пустой породы, чтобы добраться до драгоценной жилы (рассказчик не силен в геологии, но смысл передан правильно), можно обратиться к непосредственным участникам этой истории, так сказать, с изнанки. Ведь все мы заинтересованы именно в достижении истины, которую некоторые личности (злоумышленники по преимуществу) намерены скрыть или исказить до неузнаваемости, не считаясь с тем, какие мрачные тени ложатся на лица и судьбы людей невинных или даже *невинных* (первоначальное значение этого слова не отличает вину от греха). Практика разделяет понятия, отдавая установление вины органам правосудия, а искупление греха – церкви, и совпадение их отнюдь не обязательно (но желательно), хотя бы потому что предание анафеме (мера исключительно серьезная) не входит в состав статей Уголовно-процессуального кодекса. Именно поэтому анафему никто не отменял, даже по требованию самых рьяных человеколюбцев, хоть бессрочное пребывание в аду выглядит куда мрачнее, чем экзекуция на костре или электрическом стуле, хотя, конечно, и там приходится немного потерпеть. Кстати, в Стамбуле (или в Константинополе) есть специальная колонна – ветродуй, при появлении рядом с которой у грешниц вздымается платье. Для носительниц брюк имеются и другие средства, историкам это известно не хуже, чем практикам юриспруденции...

Плахов молча наблюдал, как женщина у стола готовит напитки. Женщина средних лет, загоревшая и, пожалуй, даже спортивная. Голова сохла после мытья и была обернута полотенцем

– Хотите виски? – Спрашивала женщина. – Расслабьтесь. Ничего не произошло. Мы остаемся коллегами. Но зачем избегать меня? Я не напрашиваюсь вам в жены.

– Не в этом дело.

– Тогда в чем? Вы меняете план?

– Я задерживаюсь всего на неделю. Поймите, если я полечу сейчас, они могут меня задержать, и это уже на месяцы. У них есть основания. Дело пойдет на принцип, и они найдут повод.

– Хотите, чтобы я осталась?

Женщина подошла ближе, вручила стакан, и устроилась на ручке кресла, совсем близко от Плахова. И оба застыли, молча. Ощущалось напряжение

– Что значит разлюбить женщину? – думал Плахов и нашел про себя ответ. – Понять, что она такая, как другие.

– Тяжелые мысли?

Плахов закашлялся и жестом показал, что сказать сейчас ничего не может.

– Мы – друзья? – Нейтрально спросила женщина.

Они еще помолчали, пока Плахов пил воду.

– Я не могу лететь с вами, пока идет расследование.

– Я не об этом спрашиваю.

Плахов отмолчался.

– Хороший человек Паша Кульбитин. Мне не повезло. Он был весьма, весьма...

– Ему не повезло больше.

– Он вас не любил...

– Мне только и рассказывают. Любил, не любил. Какое это теперь имеет значение?

– Хотите угадаю, кто? Дочь этого византийца, любителя. Мне Павел ее как-то показывал.

Намекал, что имеет доступ к каким-то рукописям. Предлагал сотрудничество.

– Какое еще сотрудничество?

– Разное. Если я скажу – денежное, вы поверите?

– Не очень. Почему вы не согласились?

– Алексей, я выбрала вас... Но впрочем. – Женщина встала, подошла к зеркалу, размотала полотенце, распустила и взбила волосы. Получилось у нее легко. Бывают моменты, когда на это обращаешь внимание. Вот и Плахов обратил.

– Хватит об этом. Ко мне по телефону напросился какой-то невозможный человек, молодой, с горящими глазами. Так я себе его представила. Какой-то Мартышкин. Он буквально осадил меня, просит уделить ему время. Хочет взять интервью.

– Картошкин. Это местный журналист. Репортер. Расскажите, как есть.

– Вы мне разрешаете? – С иронией в голосе спросила женщина.

– Даже буду просить. Элен, вы все понимаете. Наш проект под угрозой, по крайней мере, пока не это дело не затихнет. Сейчас, чем больше к нам внимания, тем лучше. Интерес публики очень важен. Пока вы здесь, используйте время с пользой. Расскажите, как есть.

– Начиная с турок?

– Естественно. Они защищают свои интересы. Так и объясните. Турки охватили имперской территорией полторы тысячи лет христианства, не говоря уже о Греции, Месопотамии, Египте. Места не хватит, перечислять. Всё у них, кроме того, что англичане и французы сумели украсть.

– Мне вы не должны этого говорить.

– Ну, конечно. Все претензии к нам, русским. А вы, значит, без греха. Сидели бы под своим Стоунхеджем, пока он вам на голову не свалился, и таращились на звезды. Так нет, растащили все, что плохо лежит.

– А вы Трою.

– Ладно, оставим эту тему. Троя наша. Дрезденскую галерею отдали, алтарь отдали. А кто возместит наши потери? Давайте не будем ссориться. Если о турках. Они должны дать разрешение на раскопки.

– Этот француз – их шпион.

– Просто вы – настоящая женщина. Не любите голубых.

– Он разноцветный. Можете мне поверить. И может все испортить.

– Элен, не сходите с ума. Что вы думаете со всем этим делать?

Как мы докажем, что это кости Константина. Их ни на какую экспертизу не примут. Никуда. Черепа нет, а без него нет предмета исследований.

– Алексей, над этими местами царит проклятие.

– Я что-то не заметил. Турки совсем неплохо живут. Через два дня вы еще раз в этом убедитесь...

– В чужом городе?

– Перестаньте. Вы – мистик. Одна история закончилась, другая началась и идет полным ходом. Турки в Европу просятся, без всякого насилия. И неплохо при этом выглядят. Я бы принял.

– Прекратите, – Гневно отмахнулась женщина. (Вообще, разговор велся на повышенных тонах). – Мы можем изменить мир. Если это кости императора.

– А как доказать? Да и вообще, Элен, не втягивайте меня в свои фантазии. Хм. Я ведь только сейчас обратил внимание. Вы – тезка Елены, которая убедила сына принять христианство. А что вы сами хотите, тезка?

– Я хочу, чтобы снова встал крест.

– Над Стамбулом? Держите эти пожелания при себе. Иначе вас арестуют за терроризм. Прямо в аэропорту. А женщина должна иметь детей. Тогда она занята делом, а не озабочена мессианскими проектами.

– Элен встала напротив Алексея. Волосы высохли и рассыпались по плечам. Она была хороша. Плахов отметил, но интереса никак не проявил.

– Почему я вас не ударю, Алексей? Отравляете мне жизнь, а я это терплю.

– У нас нет другого выхода. Смерть Павла...

– Ну и что?

– Как это что? Можно подумать, вы не понимаете...

Помолчали, чтобы не наговорить лишнего.

– А теперь идите. Через час придет этот репортер, я должна привести себя в порядок.

Плахов встал, приоткрыл дверь, выглянул в коридор. – Времена, конечно, изменились, но осторожность не мешает.

Глава 15

Картошкин, действительно, оказался молодым человеком, но выглядел нехорошо, в цвете лица преобладали акварельные оттенки – с желтизной, зеленью и голубизной, которые не присущи здоровой коже и даже больше, если говорить о молодости и бодрому, уверенному взгляду на жизнь. Розовых (для полноты палитры) щек не было и в помине, глаза нервно блестели. Видно, человеку досталось и продолжает доставаться. Прямолинейная Элен, а она, по-видимому, была именно такова, спросила: – Что это с вами?

– Ничего. – Ответил Картошкин и сглотнул страдальчески. Элен глянула проницательно (видно, не поверила), но допытываться не стала.

– Вы очень хорошо говорите по русски – заметил Картошкин, приступая к делу.

– Я хорошо говорю на шести языках, – Элен произнесла что-то непонятное, то ли на одном языке или сразу на нескольких.

– Не нужно, – попросил Картошкин. – Лучше, как прежде.

– Ну, а вы, молодой человек. Кто вы, как меня нашли?

– Репортер криминальной хроники.

– О-о... Со знанием уголовного мира.

– Стараюсь – Сказал Картошкин невесело. – Мы хотим разнообразить тематику. Нашим читателям интересна история. Без криминала.

– Без криминала истории не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.